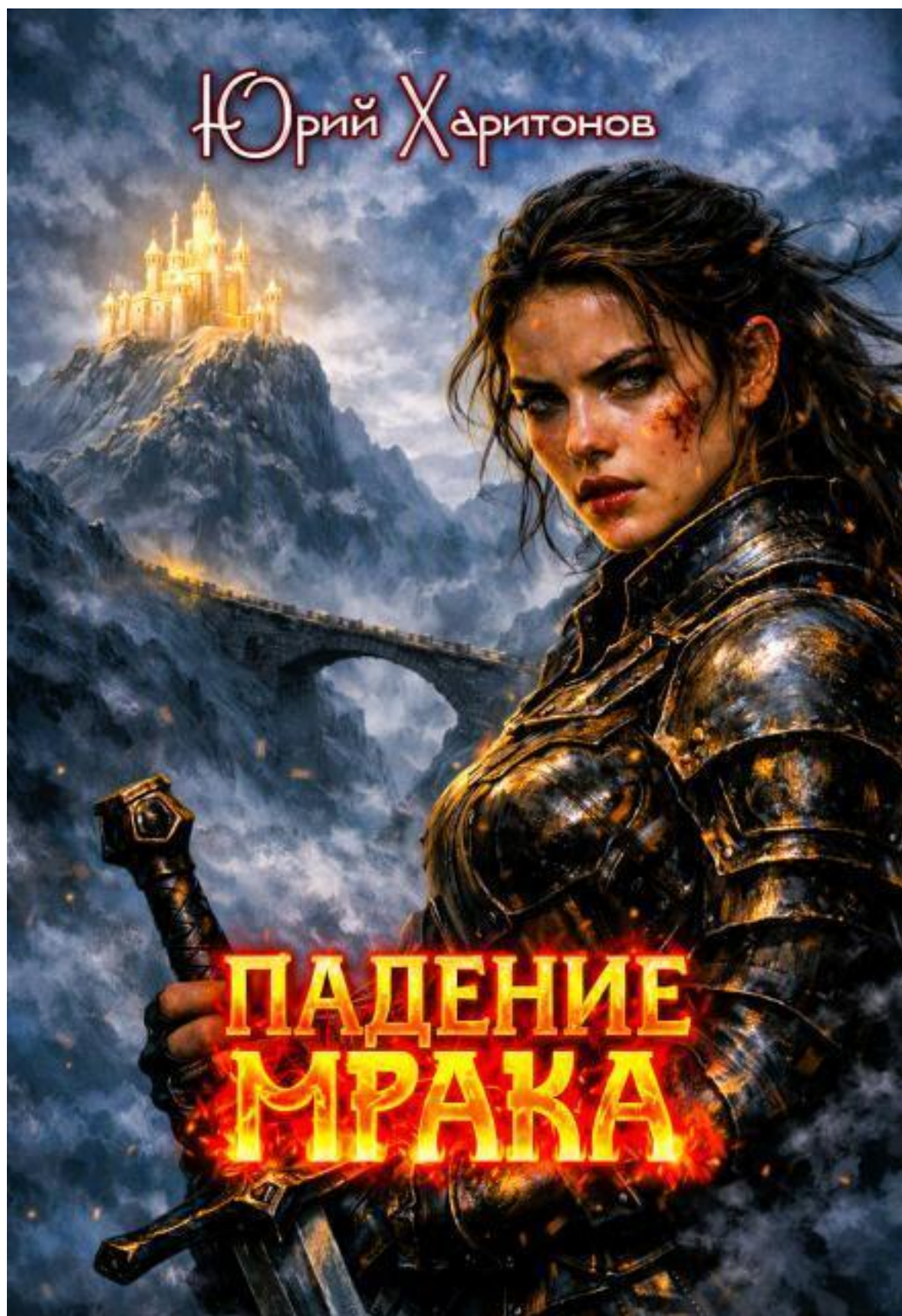

Юрий Харитонов

ПАДЕНИЕ
МРАКА

Юрий Харитонов

Падение Мрака

«Литнет»

2026

Харитонов Ю. В.

Падение Мрака / Ю. В. Харитонов — «Литнет», 2026

Пророчество гласит: она убьёт Владыку Мрака и исчезнет, забрав его с собой, чтобы вернуться и воссоединить Левию и Правую. Но Юлия ди Ванэско не собиралась становиться спасительницей мира. Отомстив за семью и убив короля Эльмира Третьего, она развязала хаос, которым воспользовался древний бог Азраид. Теперь он вернулся, а Юлия — в плену у безумного графа, превратившего её в инструмент для создания армии тьмы. Принц Ардинас ищет её с каменным драконом, Саббатон плетёт заговор мести, а Верховный маг Орин-Юджин балансирует на грани между Светом и Мраком. Когда рушится Совет Семи и каждый остаётся сам за себя, наступает время выбирать: принять свою судьбу или переписать пророчество кровью.

Содержание

Эпиграф	5
Глава 1. Подарок	6
Глава 2. Топь	13
Глава 3. Мутазаил	21
Глава 4. Дракон	26
Глава 5. Свежеваль	33
Глава 6. Новые возможности	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эпиграф

Мрак есть в душе каждого существа, но также есть и способность бороться с ним, противостоять желанию погрузиться во Мрак и стать его частичкой. И лишь степень этого сопротивления определяет, на сколько ты светлый человек, а не пресловутая принадлежность к Свету или ко Мраку, определённая предками в давние времена по линии разграничения Хребта Аспекса. То, где ты родился, не может указывать тебе путь и состояние ауры.

Глава 1. Подарок

(Юлия)

— Ты умрёшь, — когда-то в замке Левиа сказали ей оракулы. — Но до этого поможешь Тьме окутать Мрачноземье. Потом же сгинешь, забрав с собой тёмного Владыку... и спустя время вернёшься из тени смерти, чтобы воссоединить Левию и Правую, чтобы Сэмен наконец наполнился светом...

Ей казалось, что пророчество уже начинало сбываться, вот только не так, как она себе представляла. Первая часть точно исполнилась, ведь Азраид возродился, и Гenezис свершился. А вот последняя его часть грозила обернуться графине самым обыденным концом. Без битв и чудесного воскрешения. Дальше её ожидает обыденная смерть в грязи и безмолвии. Ведь Сиф Раонрог никогда не допустит, чтобы ведьма, убившая его короля, вышла из этой клетки живой.

Юлия ди Ванэско сидела на полу, устланном прелой соломой, и молча смотрела сквозь решётку. Вокруг темнели двухэтажные дома Катры, обступившие широкую площадь, на которой теснились наставленные друг на друга в несколько ярусов другие клетки, набитые полуголыми измождёнными людьми, обречёнными на продажу. Их глаза были пусты, словно ужас, который они испытывали раньше, полностью исчерпался, и они устали бояться. Апатия к своей судьбе поселилась в их душах.

Охранник тощего вида, с перекошенным ртом, увидел её внезапное появление в пустой клетке и бросился прочь, задыхаясь от ужаса. С того момента прошло уже больше суток, но он так и не вернулся. Зато приходили другие. Каждый час появлялся новый солдат, и каждый казался бледнее предыдущего. Они поглядывали на неё исподлобья, словно боялись даже дышать в её сторону, и держались на почтительном расстоянии, стараясь, чтобы между ними и ведьмой всегда находилась клетка с пленниками, чтобы ей не пришлось в голову использовать магию. Им явно отдали приказ не подходить к этой ведьме ни при каких обстоятельствах.

Очевидно, о ней знали слишком много и считали опасной.

Что ж, это даже удобно. Пусть её боятся и не смыкают глаз, пусть дрожат от каждого её вдоха, чиха или даже взгляда. Пусть замирают от страха, когда она поправляет спутанные волосы, и шарахаются от ужаса, если встаёт. Чем дольше они будут держаться на расстоянии, тем лучше. Ведь после возрождения Азраида она осталась совсем без защиты.

Ваня исчезла, едва они с Юлией воссоединились, и Владыка Мрака забрал её с собой. Несчастный призрак Мутазаила теперь застыл в камне, превращённый Азраидом в безмолвную статую. Даже Гринандэр остался в Логове. Остался лишь Арбант, магический камень в золотом кулоне. Он отражал заклятия, как щит, но сейчас казался холодным и мёртвым, словно простая безделушка.

И Юлия знала, что, если кто-то из стражников заметит его, камень тут же отберут. Поэтому в первую же ночь, под покровом тьмы, она сняла кулон, завернула в грязную тряпицу и спрятала в сапог. Найдут, конечно, при обыске, но пока солдаты держались на расстоянии, боясь даже взглянуть на неё прямо. Но если решат продать её как рабыню, тогда обязательно разденут донага, чтобы показать товар со всех сторон, и тогда точно можно будет попрощаться с последней защитой в этом мире.

Так что же её теперь ждёт? Скорее всего, нечто особенное и гадкое. Иначе главарь этих выродков примчался бы в тот же миг, едва услышав о появлении девушки в пустой клетке. Но он не пришёл и, значит, чует подвох. Чует колдовство. Может, готовит для неё костёр? Но тогда зачем ждать? Зачем тянуть кота за хвост? Нет. Должно быть, у него есть план. И, судя по всему, он не торопится его воплощать. Ждёт чего-то.

— Эй, тюремщик! — крикнула Юлия.

Стражник у дальней стены вздрогнул, будто его кольнули в филейную часть кончиком меча. Он медленно повернул голову, и Юлия с удовлетворением заметила в глазах страх. Он переступил с ноги на ногу, но не проронил ни слова.

— Напомни своему старшему, — сказала она нарочито мягко, — что здесь сидит девушка. И ждёт, когда сударь соизволит навестить её. Напомни ему, что в приличном обществе не принято заставлять девушек ждать.

Он всё ещё молчал. Ему, наверное, приказали ни при каких условиях не разговаривать с ней. Графиня вздохнула. Тот факт, что её боялись, подтвердился. Даже соседи по клеткам это почувствовали. Теперь эти истощённые и измученные условиями содержания в неволе люди держались подальше от решётки, примыкавшей к её клетке. Они боялись, что её проклятие перепрыгнет через прутья на них.

Юлия пожала плечами. Ей всё равно не о чем с ними говорить. Сейчас все её мысли блуждали там, где может быть Азраид. Он наконец получил плоть, но стал от неё ещё дальше, чем прежде. И кроме этого больше ничего не имело значения.

Хотя нет. Ардинас та Мэй тоже упрямо возвращался в её сны. Ночная прохлада давеча принесла лишь короткий, обрывочный сон, в котором они целовались в тени горных уступов, где прятались от его отца — Стронза та Мэя, который бродил по склонам, выкрикивая их имена и грозя сыну отлучением от трона за непослушание. Тепло мягких губ Ардинаса, пленительный и будоражащий запах его кожи, дрожь в его сильных руках, которые касались её нагого тела... Юлия отогнала яркий образ, что остался после сна и не хотел покидать её даже с наступлением дня. Сон был слишком ярким для этого серого места.

На площади тем временем во всю шла торговля невольниками. Людей выводили из клеток и вели к помосту, возвышавшемуся над толпой. Там стоял высокий человек и выкрикивал цены. Толпа вокруг скандировала свои предложения, торгуясь за чужие жизни, словно это не люди, а мешки зерна. Юлия не сомневалась, что это был рынок рабов. На помосте мелькали только женские и детские лица, а мужчин ещё при пленении убеждали присоединиться к разбойникам в обмен на жизнь, и ведь большинство соглашались, а потом находились по другую сторону от торговца людьми и стыдливо смотрели на своих жён и детей, которых на их глазах раздевали, чтобы продемонстрировать товар.

И в положении этих несчастных она видела толику своей вины.

Когда графиня ди Ванэско сразила короля, его армия рассыпалась. Часть воинов превратилась в разбойников под началом Сифа Раонрога и нашла новое применение своим боевым навыкам. Теперь они ловили бегущих от войны крестьян, представителей других рас, и продавали их здесь, на центральной площади Катры. Ужасно и отвратительно. И именно такой поворот в жизни Тантары случился в результате её мести королю. И теперь весь мир катился в пропасть после Юлиного удара клинком, который она возвратила Эльмиру Третьему в порыве её гнева и боли за жизни своих родителей и сестёр.

Если её не убьют сейчас, то станет только хуже. В этом она была уверена. Ведь она не успокоится, пока жив бог, что затеял всё это, и кто знает, каких дел успеет натворить в желании его уничтожить. А если убьют... что ж. Может, хоть это остановит падение мира?

Внутри неё поселилась злость, которая больше не отпускала Юлию ни на миг. И если её не остановят, графиня найдёт способ вырваться из этой клетки, отыскать Азраида... и уничтожить его. Да, однажды он сам выдал способ в её видении, когда заявил:

«Меня нельзя уничтожить, но можно заменить».

Почему именно сейчас это всплыло в памяти, Юлия не знала. И надеялась лишь, что не забудет об этой возможности, а почти неконтролируемое внутреннее кипение станет путеводной нитью к Повелителю Мрака. И она молила про себя: пусть эта злость никогда не остынет. Пусть ведёт её напрямик к грядущей гибели Азраида.

Юлия нащупала под соломой трещину в полу и уже полдня осторожно раскачивала отколовшуюся лучину, пытаясь отломить. Пальцы болели, ногти сломались, но она не сдавалась. И вот, наконец, с тихим, почти торжествующим треском острый и длинный обломок остался в её руке. Если хорошенько прицелиться и ткнуть в нужном месте в шею или засадить поглубже в глаз, им можно убить.

Охранник, кажется, услышал хруст. Он вздрогнул, настороженно огляделся, но ничего не заметил, ведь Юлия тут же спрятала лучину обратно под солому.

Сиф Раонрог появился за дальними клетками. Рыцарские доспехи, в которых он участвовал в боях за короля, походили теперь на ярмарочную витрину, увешанную омерзительными трофеями. С лат свисали обрывки чужих плащей, клыки троллей, чужие серьги, выдранные из ушей, или перстни, оторванные вместе с пальцами пленников. Он не спешил подходить к клетке Юлии, а остановился в двадцати шагах, спрятавшись за соседними клетками с людьми, скрестил руки на груди и долго смотрел на Юлию, словно на опасного зверя, запертого в клетке.

Наконец, Сиф заговорил.

— Ты, значит, та самая графиня ди Ванэско. Убийца короля и ведьма, которая разогнала целую армию.

Он сделал паузу, его лицо скривилось от внутренней борьбы. Он явно испытывал отвращение от разговора с ней. Что ж, для служителя закона, офицера личной гвардии короля, должно быть, неприятно узнать, что ведьмы всё-таки существуют. И они не зря ели свой хлеб на службе у Эльмира Третьего, когда убивали маленьких девочек и обескураженных женщин из-за доноса ведьмака Энцо Барвоа. Вот только ведьма, оказывается, не столь бессильна и безопасна, как их прошлые жертвы.

— Я видел тебя в том бою. Разглядел твоё лицо, когда лежал среди мёртвых на плато. Ты уничтожила короля и его дочь-ведьму, а потом отбивалась от моего боевого товарища с молотом... того самого, кого маг из Сэмена заставил состариться за мгновение и умереть. Я же, слава богам, остался жив. И, отдельное спасибо тебе, понял ценность своей жизни. И знаешь, решил не тратить её попусту... а действовать. Как видишь, — он махнул рукой на площадь, где торговали рабами, — весьма верное решение. Теперь я не обычный капитан королевской гвардии, а уже стал мэром взамен покинувшего нас мэра этого милого города. Спустя какой-то месяц после тех событий имею свою армию и торговую площадку с весьма необычным товаром, который приносит ощутимый доход. Я стал как мой почивший король именно благодаря тебе.

Юлия медленно встала, отряхнула солому с тёплой одежды, которую перед походом ей подарил Стронз та Мэй, и в лёгкой усмешке скривила губы:

— Бывший капитан королевской гвардии? И теперь вместо того, чтобы воевать за людей, ты ими торгуешь. Прогресс впечатляет. Бравый воин стал работоторговцем. Хотя... тебе не впервой. Сначала, помнится, ты убивал аристократов, теперь продаёшь их наследников как скот. Я тоже помню тебя, как видишь. Ты был с королём, когда он отдавал приказ убить семью графа ди Ванэско, Сиф Раонрог.

— Я выживаю, — надменно ответил Сиф. — Как и все мы после того, что ты устроила в Тантаре. А что нам оставалось? Королевство пало, и его законы истлели. Нам некому стало указывать, в какую сторону двигаться. Но мы же все дети Мрака, помнишь? Или для тебя имя нашего Владыки лишь пустой звук? Ты ведь теперь воюешь за Сэмен? А мы тут, знаешь ли, ещё не забыли, кому надо подчиняться. Поэтому твои слова ничем меня не задели, так и знай. Но меня интересует другое странное явление. Как ты появилась прямо в моей клетке. Словно по волшебству. Совпадение?

Он сделал шаг ближе.

— Знаешь, что я думаю? — Сиф понизил голос до шёпота. — Это Азраид тебя прислал. Верно?! Чтобы закончить начатое... или просто поиграть со мной. Он ведь любит игры. Так

скажи, правда ли, что он вернулся в этот мир, как твердят все эти ничего не умеющие предсказательницы на рынке? Ты... ты его видела?

Юлия шагнула к решётке, сжала холодные железные прутья так, что костяшки побелели и зло улыбнулась Раонрогу.

— Если бы Азраид хотел твоей смерти, — сказала она тихо, — ты бы уже был мёртв. Но могу тебя успокоить. Ибо я здесь не по его воле и не для того, чтобы тебя убить. Хотя, признаюсь, руки так и чешутся. Я здесь, потому что потеряла всё. Из-за тебя. Из-за твоего гнусного короля. Из-за приказов, которым вы с вашей стражей следовали, когда уничтожали мою семью. И Азраид, видимо, решил, что мне недостаточно тех лишений, которыми вы вместе с королём наградили меня, и решил добавить новых, прислав сюда. Но подумай, Сиф, а сделал ли он этим тебе подарок или лишь добавил забот?

Сиф зло прищурился.

— Говоришь, что что-то потеряла? — В его голосе прозвучало насмешливое презрение. — Свою жалкую семейку? Да что она, твоя семья, по сравнению с Эльмиром Третьим? Ты убила короля, которого мы все ненавидели... но он держал порядок в стране. Тантара, где люди могли спать спокойно, исчезла в тот самый миг, когда ты пронзила его своим мечом. Оглянись, — он резко взмахнул рукой, охватывая взглядом площадь, дома, клетки. — Видишь этих людей? Их жизни изменились в тот миг, когда пала его власть. Стоила ли твоя месть таких жертв? И ради чего всё это? Чтобы оказаться здесь? В клетке?

— Не ради этого, — тихо ответила Юлия и ухмыльнулась, чтобы позлить Сифа. — А ради того, чтобы оказаться поближе к тебе. И вот я здесь, и я жду.

— Чего?

— Тебя. Ты разве не понимаешь? Я разобралась с королём. А до этого уничтожила стражей, которые убивали моих сестёр. А вот с тем, кто отдавал гвардейцам приказы... ещё нет.

Раонрог коротко и безрадостно рассмеялся.

— Хм... Мы все заложники высшего предначертания и не можем постичь замыслы Азраида, но, видимо, ему так было нужно. Если бы я не отдавал приказы, то исполнял бы их. А значит, давно бы уже лежал там, где те, кого ты погубила, мстя за свою боль. Не так ли?

— Очень верное замечание, — согласилась Юлия. — Но я ещё не закончила. Потерпи немного, и я отправлю к ним и тебя.

— Не отправишь, — отрезал Сиф. — Я бы не оказался здесь, не будь я тем, кем являюсь. А значит, твоей мести не суждено свершиться. Здесь ты пленница, а значит, всё будет так, как я захочу.

Он сделал паузу, наслаждаясь моментом.

— И вот мы подходим к вопросу о твоей судьбе. Как думаешь, продам ли я тебя, как этих жалких рабов? Или нет? Ведь это слишком опасно для всех. Покупатель может не пережить ночи... а потом ты придёшь за мной. А может, убью? Тоже вряд ли. Это слишком просто. Азраид любит, когда его враги долго страдают. Надеюсь, именно за этим он тебя сюда и отправил, чтобы ты помучилась. И уже придумал, как это устроить, несравненная ты наша.

Юлия поняла, что разозлить Сифа не получится, но предприняла ещё попытку.

— А ты сам спрашивал у него, чего он хочет? Или настолько жалок, что он даже не станет с тобой разговаривать?

Юлии показалось, что бывший капитан королевской гвардии сейчас взорвётся от злости. Лицо его окаменело, покрылось красными пятнами, но он сдержался. Потом он резко махнул рукой.

Четверо охранников шагнули к клетке. Один из них медленно, с явной неохотой открыл замок и отворил дверь. Юлия напряглась, отошла к дальней стене. Она вспомнила о лучине, спрятанной под соломой, но тут же отбросила мысль воспользоваться ею. Придётся оставить лучину там.

Охранники осторожно вошли, держась на расстоянии. В руках у каждого по длинной рогатине с петлями из грубой верёвки на концах. Они опасались подходить близко к ведьме. Каждый был наслышан о её силе, ведь в рядах воинов короля та легендарная битва при Долине Оракулов и Красных драконов уже обросла устрашающими подробностями и превратилась чуть ли не в миф.

— Руки за спину, ведьма, — прорычал один. — Или мы сами сейчас тебя уложим.

Юлия стояла, надменно глядя на Сифа поверх их голов, но и не подумала подчиниться. Вместо этого она дёрнулась в сторону охранников, сделала всем телом выпад и рыкнула, словно загнанный зверь. От неожиданности один из охранников отшатнулся и завалился назад.

Другой, неодобрительно на него посмотрев, метнул свою рогатину вперёд. Петля поймала правое запястье и резко затянулась. Второй охранник тут же поймал левое. Юлия было дёрнулась, но охранники действовали слаженно. Шесты скрестились за её спиной, выворачивая руки вверх и назад, пока плечи не пронзила острая боль. Она стиснула зубы, но не издала ни звука.

Следом ей стянули ноги. Графиня рухнула ничком в солому, но в последний миг повернула голову набок, спасая лицо от удара. Ещё один охранник накинул петлю на шею и затянул так, что любое резкое движение неизбежно вызвало бы натяжение удавки.

Сиф довольно кивнул. Охранники потянули за шесты, и Юлия оказалась распята на четырёх рогатинах. Любое резкое движение — и руки-ноги пронзят болью, а петля на шее затянется, лишая воздуха. Затем они быстро обмотали её грубыми верёвками поверх петель.

— Тащите, — коротко приказал Сиф, — в мою резиденцию.

Охранники подхватили рогатины за свободные концы и подняли её, словно трофейного оленя после доброй охоты. Юлия оказалась подвешена на скрещённых рогатинах лицом вверх, в самом унижительном и мучительном положении. Каждый шаг носильщиков отзывался болью в плечах и бёдрах.

Они пронесли её через площадь, где толпа из рабов, покупателей и зевак молча расступалась. Кто-то плевал вослед, кто-то отводил взгляд, будто боялся, что проклятие ведьмы перекинется через воздух. Женщина с эурианскими чертами лица, только что проданная с помоста, смотрела на Юлию пустыми глазами. Она понимала, что вот так же будут нести и её, если она когда-нибудь посмеет сопротивляться.

Юлия глядела в серое небо Катры, где низко висели тяжёлые чёрные тучи, готовые вот-вот разразиться дождём. Она жалела, что драгоценное время утекает, а Азраид где-то там, в новом теле, копит силы. А она здесь, захваченная противником, который слишком хорошо знает цену своей безопасности и не даст ей даже малейшей возможности применить свои силы. Эх... жаль, нет Вани. С её помощью она давно бы уже раскидала всех этих жалких вояк, борцов с женщинами и детьми, и крестьянами, никогда не державшими в руках оружие. Ох, разошлась бы она тогда на славу и разможила с помощью невидимого тролля несколько дурных голов, а с помощью сэрила порвала бы этого закованного в увешанную трофеями броню гниду Сифа. Но, увы, Вани с ней не было, и графине оставалось лишь беспомощно висеть связанной на шестах и ожидать своей незавидной участи.

Катра когда-то была жемчужиной Тантары. Широкие мощёные улицы, дома с двумя и тремя этажами, с резными балконами, фонтаны на перекрёстках и высокая колокольня у ратуши. Теперь всё это покрывал слой копоти от недавних пожаров. Окна были затянуты грязными тряпками, по улицам бродили обездоленные оборванцы.

Носильщики свернули с главной площади и направились к ратуше. Массивное двухэтажное здание с белыми колоннами и широкой, некогда величественной лестницей теперь казалось покосившимся из-за сломанных с левой стороны колонн и слегка накренившейся крыши. Перед входом, прямо на центральной площадке, торчал свежий кол. На нём в муках корчился человек. Изодранный бархатный камзол выдавал в нём знатного человека. И Юлии стало жаль этого человека. Голова мэра безвольно свисала на грудь, на опухших губах засохла кровь, но

лицо ещё хранило черты человека, некогда облечённого властью. На груди болталась криво прибитая дощечка с неровно намалёванными буквами:

«Я никогда не служил Мраку. И этим я его предал».

Юлия едва заметно усмехнулась. Если Сиф Раонрог считает, что такие слова несут позор, значит, в новой Тантаре истина всегда будет в словах сильного, а не правого. И если Азраид однажды возвысится, то его слова станут законом, а, может, и новой истиной. Все, не задумываясь, будут их повторять... или же висеть, как этот человек, на колу.

Охранники поднялись по ступеням и внесли её внутрь, развернулись и поставили рогатину вверх одной частью. И Юлия, словно распятый человек, теперь видела, что и кто перед ней находится.

В бывшем зале заседаний стоял большой круглый стол из тёмного дерева. За ним, в единственном кресле с высокой спинкой, восседал человек в свободных чёрных одеждах. Его лицо полностью скрывала вычурная маска из белой керамики, расписанной тонкими чёрными линиями, похожими на вены на коже очень бледного человека или же... мертвеца. Прорези для глаз обрамляли два холодных, немигающих зрачка, в тени маски кажущихся вертикальными. Улыбка, нарисованная на маске, была слишком широкой, а глаза слишком узкими. Выражение на маске походило на оскал скелета, пытающегося изобразить радость.

Сиф Раонрог вошёл следом, хлопнул дверью и разразился злорадным, явно искусственным смехом.

— Я тебя не продам, — объявил он громко, будто в зале собралась целая толпа зрителей, а он — главный актёр. — За тебя не получишь достойной цены, ведь ты слишком опасна. Но я могу просто подарить тебя. Правителю Триды, нашему уважаемому соседу и союзнику... графу Уку Ак Суку.

Он кивнул в сторону человека в маске с преувеличенной учтивостью, почти театрально поклонившись.

— Она перед вами, дорогой Уку. Графиня ди Ванэско — та самая воительница и ведьма, что в одиночку свергла короля Эльмира Третьего. Это она разбила его армию, разогнала двор и открыла нам всем новые горизонты... свободы и замечательных возможностей.

Человек в маске медленно встал. От его манеры держаться, от необычных плавных движений во время движения у Юлии поползли по телу мурашки. Граф слегка наклонил голову, будто всматривался в неё сквозь узкие прорезы, и заговорил низким и спокойным голосом, напрочь лишённым эмоций:

— О, дорогой Сиф, я глубоко признателен за столь щедрый дар. Право слово, даже мечтать о подобном не осмеливался. Но всё в этом мире подчиняется странному, неумолимому закону нашего Владыки. Не нам его обсуждать. Напротив, нам следует действовать. И чем скорее, тем лучше, иначе этот закон обернётся против нас.

Поэтому, чтобы не терять времени, я немедленно отправлюсь с нашей пленницей в замок Триды — Свежеваль. Как только я выверну эту девицу наизнанку и пойму, что таится внутри такой... смелой особы... — он сделал паузу, и в голосе впервые прорезалась жестокость, — я создам множество воинов с таким же пламенем в груди и злобой в глазах. И конечно, я отблагодарю тебя и пришлю отряд таких же воителей в Катру.

Сиф разразился злорадным смехом и хлопнул в ладоши.

— Вот и славно. Несите её осторожно, ребята. Подарок весьма ценный... и опасный.

— Это ничего, — отозвался Уку Ак Суку, отмахнувшись. — В моей карете есть специальный отсек, зачарованный лучшими ведьмами этого мира. Она оттуда не вырвется. Будет смиренно дожидаться своей участи.

Юлия, всё ещё распятая на рогатинах, почувствовала, как злость внутри вспыхнула с новой силой. Она пообещала себе, что несмотря ни на что доберётся до Азраида. Даже если

сначала придётся выбраться из Свежеваля. Даже если надо будет собственными руками задушить Уку Ак Суку. Даже если её будут резать, ломать, выворачивать наизнанку.

— Прощай, графиня, — донёсся до неё довольный голос Сифа. Он даже помахал рукой на прощание. — Не думаю, что мы когда-нибудь ещё встретимся. После экспериментов Уку люди обычно перестают походить на людей.

— Не надо, Сиф, право слово, пугать дорогую графиню раньше времени, — мягко возразил Уку. — Она должна чувствовать, что помогает людям... даже если ей больно... даже если её конечности больше не принадлежат ей.

Глава 2. Топь

(Саббатон)

— Это больно, Саббатон, мальчик мой... я знаю, — вкрадчиво сказал чёрный человек, в чьём очертании угадывалась фигура самого Азраида, какую он помнил по своим снам и видениям. Именно его голос долгие годы был единственным собеседником для мальчика, застывшего в возрасте десяти лет.

В тот момент вытянутая рука Владыки Мрака подняла Юлию за горло и держала в воздухе. Ненавистная племянница едва касалась носками пола, глаза её закатились, будто она вот-вот последует к покойному брату Кардану ди Ванэско.

— Но всё великое, мальчик мой, как известно, рождается в муках. Я жил в твоём чёрном сердце и твоей испорченной алквистовой душе. И древние заклинания, которые, наконец, добыл и сказал мой истинный слуга на другом краю света, позволили мне вырваться на свободу. Ты же, мальчик мой, лишь вынашивал меня и собирал для меня ведьмовские ауры. И я не разочаровался в тебе... Нет... Наоборот, я тебе благодарен, а потому ты не умрёшь. Я оставлю тебе исцеляющую ауру, чтобы ты зализал раны, как это делает вшивая шавка. И в этом мой великий дар тебе, мальчик мой. Поверь, моё нутро Владыки Мрака требует вытряхнуть тебя из твоего тела и забрать его себе в качестве награды за твои труды. Но я сжалюсь и позволю тебе ещё немного пожить на этом свете, но уже полноценно, ведь ты сорок лет жил в теле мальчишки и постоянно жаловался мне об этом. Я заберу вместо тела с собой проклятие Жанны и накопленные тобой души ведьм, заодно, но рядом держать тебя не стану. Так уж вышло, что с рождения ты — алквист. Эта сила мне не подчиняется, ведь она рождена Хаосом и хаос же творит вокруг себя. И в знак признательности я просто отправлю тебя подальше. Живи, если твоя сила исцелит тебя, и радуйся жизни. Но если посмеешь вернуться, я тебя уничтожу!

Голос Азраида вместе с обликом чёрного человека растворился в непроглядной темени, какой не бывает наяву.

Саббатон плыл в чернильной пустоте, пронзённый не только мечом Юлии, но и словами своего бога, которого не только мечтал превзойти, но и которому дал жизнь, вернул наконец-то в Тантару и избавил от изгнания. Боль в животе от раны, нанесённой мечом Юлии, пульсировала, вновь и вновь обжигая внутренности, будто в Саббатона поместили раскалённый камень, и он вместо того, чтобы остыть, наоборот, лишь сильнее разогревался. Всё остальное, что было до этой чернильной пустоты, — мир, время, даже собственное имя — стёрлось. Осталась только эта боль и эхо презрительного голоса, блуждающее во тьме:

«Я оставлю тебе исцеляющую ауру, чтобы ты зализал раны, как это делает вшивая шавка».

И:

«Но, если посмеешь вернуться, я тебя уничтожу!»

Бог воспользовался им. Носил его, словно одежду, тридцать долгих лет. Прятался в плоти Саббатона, питался его страхами, читал его мысли, разжигал его гнев и злость. А когда пришёл маг-помощник, который выдернул его из Саббатона, просто вышвырнул прочь, как износившееся тряпье. За избавление от изгнания он одарил его изгнанием...

И ещё злорадно предупредил: «...осмеешь вернуться...» Лицемер. Как Саббатон сможет вернуться, если сейчас умрёт? А он непременно умрёт, ведь меч племянницы проткнул его насквозь. И кровь уходила капля за каплей, унося тепло, мысли, последние силы, унося жизнь, которую мальчишка, застывший в десятилетнем возрасте на долгие тридцать лет, так и не познал.

Странно... но во тьме, куда забросил его Азраид, было спокойно. Она обволакивала его целиком и убаюкивала, примиряла с неизбежным и делала смерть... нестрашной. А ведь когда-то он боялся её больше всего на свете.

Саббатон закрыл глаза, ведь незачем держать их открытыми в крошечной тьме, и почти сдался. Почти отпустил боль, а следом и жизнь. Почти позволил себе раствориться в пустоте, стать воспоминанием...

...когда вдруг появился свет.

Слишком яркий для этого места свет ворвался сквозь веки. Слишком раздражающий, чтобы окончательно раствориться во тьме и, наконец, исчезнуть. Саббатону показалось, что чернильную пустоту вывернуло наизнанку и вышвырнуло его в грязно-серую мглу.

В тот же миг тело окатила ледяная вода, а в нос ударил гнилостный, тошнотворный смрад, будто сама земля давно истлела и источала трупный запах.

Саббатон инстинктивно взмахнул руками, стараясь не утонуть. Пальцы левой сначала судорожно цепляли за пустоту, а потом за жижу, но в итоге нащупали длинные спутанные водоросли. Превозмогая боль в ране, он начал работать руками, выталкивая своё тело из вязкой, вонючей трясины, но получалось плохо. Обрубок правой руки, который остался после выхода Азраида из него, никак не помогал отталкиваться от жижи. Не помогал грести. Он распахнул глаза, и они тут же заполнились мутной водой, полной ряски и тины. Рот тоже наполнился этой мерзостью, нос забился. Он попытался вдохнуть, но вместо воздуха глотал омерзительную гнилую воду и задыхался.

«Как здесь можно жить? — мелькнуло в голове с диким, почти бредовым удивлением. — Жизни здесь придётся изловчиться, чтобы уговорить жертву не покидать этот смрадный мир».

И в этот момент пальцы нащупали что-то длинное, твёрдое, покрытое склизким илом. Корень? Или обломок дерева? Может, кость давно сгнувшего зверя? Не время гадать.

Саббатон судорожно сдвинул находку и, зажав её под мышкой, обмотал вокруг культи, словно верёвку, затем рванул на себя, вытягивая тело из трясины. Будто выдирая свою жизнь обратно из пасти чавкающего болота.

Саббатон из последних сил выполз из трясины, отгоняя настойчивое желание полежать и отдохнуть прежде, чем уйти в мир иной.

Каждое движение давалось с огромным трудом. Мышцы дрожали, как у старика, а в животе, под рваной тканью рубахи, зияла глубокая рана. В неё затекла густая и мерзкая болотная жижа. И Саббатону казалось, что она уже медленно и неотвратимо отравляет его изнутри, смешиваясь с кровью, которая уже едва сочилась и уносила с собой последние силы мальчика.

Саббатон дополз по шаткой травяной подстилке до того места, где она сменялась твёрдой землёй. Вернее, зыбким травянистым островком, издавек похожим на поросший травой земляной холмик. Но всё здесь было каким-то мягким и неестественно шатким, будто под холмиком отсутствовало твёрдое основание. Под коленями хрустнули гнилые корни, пальцы впились в зашевелившийся от прикосновения мох, пропитанный водой. Наконец, он прислонился спиной к чёрному, распухшему и покрытому густым мхом гнилому пню. От него исходил тошнотворный запах тлена, но Саббатону было всё равно. Кажется, он уже устал бороться, а потому просто утомлённо застыл у пня, надеясь на отдых.

Ну хоть смерть-то он может встретить спокойно?

Некоторое время он лежал, ожидая костлявую, но лишь боль в животе разгорелась с новой силой, и тогда он поднял голову, оглядываясь.

Куда ни глянь, простиралось болото. Саббатон потряс головой, пытаясь понять, где же он, и не смог припомнить ничего лучше, чем знаменитое болото Сэмена, раскинувшееся вдоль Хребта Аспекса и отделяющее горы от границы Тантанаси на востоке. Болото Аурлингах.

А у Азраида точно есть чувство юмора. Естественно, злое. Он не просто отпустил Саббатона помирать, а закинул его в одно из тех мест, куда мальчик никогда бы не сунулся

добровольно. И теперь перед ним во всей своей гнилой красоте расстилалась его награда за годы верности всемогущему богу. Владыка Мрака одарил его Саббатона и воплотил в хмуrom тумане, противной тине и чёрной вонючей воде. Даже среди жителей Тантары об этом месте гуляли страшные байки. Небо здесь словно не существовало вовсе. Только бесконечная бледная пелена давила сверху на чёрную воду, покрытую тиной и ряской, растворяя горизонт. Вокруг царил тусклый, рассеянный полумрак, будто некто огромный накрыл это место грязным стеклом.

Вокруг ни птиц, ни насекомых, ни даже комаров. Только тишина, нарушаемая редким бульканьем. Где-то глубоко под поверхностью набухали пузыри газа, выделяемого разлагающимися телами случайно заблудших сюда зверей или, может быть, людей, поднимались к поверхности и лопались. Редкие кочки, покрытые увядшей травой и мхом, напоминали спины спящих чудовищ. Иногда одна из них слегка шевелилась, и Саббатон не знал, то ли это ветер тревожит старое болото, то ли что-то живое просыпается и наблюдает за ним из чёрных глубин.

Саббатон прожил на свете сорок долгих мучительных лет, но внутри он всё ещё чувствовал себя беспомощным и наивным мальчишкой, который тридцать лет назад впервые услышал голос Азраида в своей голове. Тогда он был слабым, одиноким и жаждущим стать всемогущим. Теперь же он сломлен, использован и выброшен.

«Бог просто играл мной, как куклой, которую надевают на руку... — пронеслась в голове неприятная мысль. — Как играла Жанна когда-то... Ненавижу!»

Он закрыл глаза и попытался забыть, чтобы не чувствовать отвращение к Азраиду и к этому страшному миру, где из ребёнка на долгие тридцать лет сделали изгоя, не способного вырасти и повзрослеть. Сначала беспощадная Жанна использовала его. А потом и сам Владыка Мрака. Но затем он отказался от своего спасителя. Саббатон был вправе считать себя спасителем Азраида, ведь не будь Саббатона, вряд ли кто-то согласился бы пригреть изгнанного бога у себя в душе и скрывать ото всех столь долго. И вот его весьма показательная благодарность... Саббатон брошен на произвол судьбы.

— Так пусть же всё закончится, — прошептал Саббатон, закрывая глаза. — Пусть тьма примет меня наконец. Я это заслужил. Я так долго шёл к этому. И хоть я не поднялся до тех высот, куда хотел, я заслужил тишину и покой в последние мгновения...

Сознание начало таять. Тело стало каким-то лёгким и невесомым. И Саббатон уже, как ему показалось, умер, но в самой глубине этой тьмы, там, где даже Азраид не мог бы властвовать над ним, слабо вспыхнули две призрачные фигуры. Саббатон вздрогнул всем телом, но глаз не открыл, боясь спугнуть ауры, оставшиеся после вероломного Азраида, забравшего все остальные магические силы.

Первая аура мягко, но настойчиво пульсировала золотисто-тёплым светом. Это был дух белокурой целительницы Азии Сальвы, чьи волосы когда-то сияли, как первый снег на вершине Эльдора — горы в предгорьях Хребта Аспекса, где они вместе с ненавистной Жанной некогда жили. Её образ был чуть размыт, но глаза печально смотрели на Саббатона, полные скорби и странной, непостижимой любви, с помощью которой она, должно быть, и исцеляла.

Вторая аура была очень древней и зелёной, и её обвивали лианы, на которых росли листики растений. А это магическая душа Азалии, повелительницы растений и наставницы неблагодарной Жанны. Сила ведьмы, первой из тех, кого Саббатон лишил силы ради Жанны. Её тело давно истлело в лесах между графством Ди Ванэско и Олуоком. Остались лишь кости, обвитые корнями, но дух её не ушёл. Он всё это время ждал, когда кто-нибудь придёт и даст привязанной к костям ауре вторую жизнь. И однажды явился Саббатон, который приютил эту силу, пригрел в своей давно почерневшей от отчаяния и полной пустоты душе.

— Но как? — ошеломлённо прошептал Саббатон, обращаясь к аурам. — Как вы ускользнули сквозь его загребуемые пальцы? Я и забыл, что тебя, Азия, он вроде хотел оставить, но Азалия?..

— Ты обещал нас не бросать, — прошептала Азия. Её голос ласково разнёсся по чёрной пустоте внутри Саббатона, рассеивая плотную тьму и унимая невыносимую боль в животе. — И не бросил...

— Ты подобрал и меня, и не дал сгинуть среди пустых лесов... И мы... привязались к тебе, — добавила Азалия, и лианы, обвивающие её призрачный силуэт, зашевелились. — Даже Азраид не может разорвать то, что рождено на верности. Теперь мы твоя часть. А ты — часть нас. Навсегда.

Они ничего не требовали, а лишь явили себя Саббатону и заявили о своей благодарности. Оказывается, ауры могут быть признательными. В душе алквиста, считавшего себя чужим бездушным инструментом отъёма волшебных сил, что-то удивлённо дрогнуло. Он и подумать не мог, что ауры могут казаться живыми, хотя... вот Ваня, например, аура Юлии, выглядела настоящим воплощением человека. Даже думала и отвечала ему, когда жила внутри него, словно несносная девчонка.

В этот миг Саббатон почувствовал себя человеком, в котором ещё теплится жизнь. Сияние Азии распространилось на тело и полилось в его кровь. Зелень Азалии обвила рану, подобно ветвям, что оплетают могильный камень. Он судорожно вздохнул и пришёл в себя.

Рука сама легла на живот. Под ладонью пульсировала настоящая магия: кожа шевелилась, плоть срасталась, а гниль выдавливалась наружу чёрными сгустками. Боль не исчезла, но стала лёгкой, почти привычной, и больше не походила на смертельный подарок Юлии или наказание Азраида.

— Моя рука, — прошептал он во тьму своего сознания, вновь закрыв глаза и обращаясь к аурам. — Бывшая обладательница твоей силы, Азия Сальва, говорила, что вырастить руку невозможно. Это так?

Золотистая аура, принявшая облик своей бывшей хозяйки, наклонила голову.

— Любая магия требует времени и сил. Возможно всё, но ингредиентов может не хватить... Либо у тебя не получится, либо магия займёт столько времени, что волшебство не успеет свершиться и за целую жизнь мага.

— Ну так что? Можно или нет?

— Можно, но...

— Я хочу, чтобы вы начали сейчас же. Я этого хочу. Ты чувствуешь моё желание? Ты должна, ведь вы обе теперь внутри меня.

— Да, — согласилась аура.

— Тогда начинайте, а я буду ждать, сколько потребуется. Может, что-то ещё нужно?

— Было бы неплохо, — добавила Азалия, — если бы у нас был постоянный доступ к чужим жизненным силам.

— К магическим? — удивился Саббатон. — Ты хочешь, чтобы я применил свой дар алквиста?

— Нам достаточно любых сил. Магических или нет — неважно. Если ты будешь вытягивать жизненные силы из людей, тоже подойдёт. Хотя и медленнее, но всё же быстрее, нежели вообще без них.

— Хорошо. Я дам вам любые силы, — пообещал он. — Начинайте. Мне не терпится вернуть руку. Без неё я чувствую себя ущербным.

Но в тот самый миг, когда культю обвила лиана, появилось слабое свечение исцеления и тепло вернулось в тело, Саббатон услышал тихий, ритмичный всплеск. Словно что-то большое вынырнуло из трясины и осторожно заскользило по воде. Потом на время воцарилась тишина. Потом опять раздался всплеск, но уже ближе.

Туман колыхнулся. Ничего не видно, но Саббатон знал, что кто бы тут ни обитал, он заметил раненого алквиста. Или учуял. И кто бы этот некто ни был, он уже видел магический отсвет, который Саббатон никак не мог скрыть. Магия исцеления расходилась кольцами от раны и влияла на окружающую мальчика гниль — столь сильно он хотел вернуть отрубленную племянницей руку. Ряска расцветала, из сухих прутьев прорастали корни и расцветали маленькие белые цветы, а вода вокруг островка, на котором находился Саббатон, очистилась от грязи.

Рана на животе тоже ещё пульсировала под ладонью, но, кажется, это уже была не боль, а возвращающаяся в изувеченную плоть жизнь. Видимая только ему золотистая нить Азии сплетала рану мелкими ростками. В культе же разгорелся настоящий пожар, словно рука вернулась на место, и он держал в ней тлеющие угли, а заросшая плотная кожа в этом месте начала набухать и натягиваться, словно изнутри что-то лезло. Но облегчение было обманчивым, а счастье от вероятности вновь обрести руку слишком недолгим. Оно длилось лишь до того мгновения, пока туман в очередной раз не вздрогнул.

Из серой пелены выступили колышущиеся тени. Потом они приняли тёмные очертания. Силуэты неведомых существ казались массивными, но низкими, и покрытыми коркой свежей грязи. Их чёрная, потрескавшаяся, с бесформенными наростами кожа вызывала отвращение. Толстые, как стволы вековых деревьев, лапы медленно вдавливались в тину, оставляя за собой воронки, которые долго не заполнялись водой.

И у этих тварей не было лиц. Или так казалось. Ведь там, где должны находиться рты, шевелились десятки или сотни сплетённых в живой узел плоти и слизи щупалец. Они извивались, словно черви в гниющем мясе, вытягивались вперёд, обнюхивая и, одновременно, ощущая воздух. Они чуяли человеческую кровь.

Их маленькие, глубоко посаженные глаза, почти скрытые под складками толстой кожи, горели неуёмной жадой, копившейся веками, а может, и тысячелетиями. Жадой, порождённой лютым голодом, ведь в Аурлингах не ступала нога ни человека, ни другой твари, и бердоты питались лишь редкой падалью, водорослями и мхом.

Они медленно, но неуклонно шли напрямиком на Саббатона. Потому что знали, что добыча ранена, а потому слаба. И теперь добыча целиком и полностью принадлежит им. Никуда не денется и не сбежит, ведь куда ни глянь, везде серая, унылая и опасная топь. Она цепляется за ноги, затягивает и не отпускает.

Саббатон вскочил. Сердце колотилось где-то в горле, словно птица в клетке, пытающаяся вырваться на свободу. Он отчаянно огляделся. Редкие кочки и островки зелени слишком далеко, чтобы по ним можно было прыгать. Одна — в десяти шагах, другая — за открытой чёрной, как смоль, водой. Под поверхностью только трясина, готовая проглотить его целиком.

«Я не успею переплыть...» — пронеслась в голове предательская мысль.

Но в тот миг, когда первый бердот протянул к нему длинные и жаждущие плоти щупальца, из глубин сознания прозвучал шёпот его ауры.

— Ты же можешь сопротивляться. Ведь ты мой маг, а я для тебя то, что представишь. Я с лёгкостью могу создать лес. Огромную дикую чащу, которая уничтожит любого, кто в неё сунется. А там, где леса нет, мы его вырастим. Вспомни же, как ты забирал с моей помощью силы у других ведьм. Ты уже это делал...

Это шептала Азалия. И Саббатон вдруг понял. Вернее, вспомнил, что теперь он не только алквист, но и маг, у которого есть волшебные силы. И ими можно управлять. Ведь они, в отличие от капризной Вани, согласны принять его и помогать. Он резко вздохнул, вонзил пальцы в мох под ногами, собираясь слиться с частичкой природы, хоть она и была противна. А ещё он вспомнил, какое наслаждение получал, когда обвивал с помощью силы Азалии тела ведьм и людей, и как сладостно трещали их кости...

— Я просто был поражён словами Азраида, а потому поверил ему, — пробормотал Саббатон и сосредоточился. — На самом деле я не думал, что он мне что-то оставит. Но видать, я не совсем пропащий, раз две ауры согласились стать моими.

Из воды вокруг него взметнулись длинные и гибкие корни. Они сплелись в подвижные покрытые шипами верёвки, которыми теперь управлял Саббатон. Они хлестнули по воздуху, словно кнуты в руках бога мести, и вцепились в первого бердота. Одна обвила его толстую шею, другая — лапы, третья перехватила клубок из щупалец и с хрустом вырвала их из плоти существа.

Монстр утробно завопил и попытался вырваться, но лианы стягивались, вгрызаясь шипами в его толстую кожу, раздираемую яростью мага, сотворившего эти страшные силки.

Второй бердот замедлился, насторожился. Но Саббатон уже не боялся. Он чувствовал корни под водой, как чувствовал и гниль, и спящие до поры споры, и древние семена, ожидающие пробуждения в иле. Он словно стал болотом, примерил на себя его липкую вонючую сущность. И болото ответило, признало его равным.

Из-под кочек вырвались острые, словно чьи-то старые расколовшиеся кости, и покрытые чёрной слизью корневища, которые воткнулись в плоть монстров. Они врезались в бока второго бердота, пронзая толстую кожу, заставляя его реветь от боли. Щупальца чудовища заматались в панике перед мордой, хватая воздух, но Саббатон уже управлял и илом, и самой жизнью вокруг. Вода забурлила вокруг чудовищ, превратившись в чуждую для них среду. Он заставил даже ряску налипнуть на них, и запутал корнями лапы третьего монстра, который только начал выходить из тумана.

Но их было слишком много.

С каждым мгновением из серой пелены выступали всё новые бердоты. Их глаза теперь горели злостью и неумным первобытным голодом. Впервые кто-то посмел противостоять им в их же мире. Твари окружали Саббатона, сжимая кольцо. Лианы лопались от их веса и силы. Корни ломались. Один бердот уже почти дотянулся до ноги мальчика. Щупальца, словно кнуты, хлестнули по ляжке, оставляя кровавые полосы, из которых засочилась кровь. Но магия Азии тут же начала залечивать эти незначительные раны.

Саббатон устал и выдохся. Ему стало казаться, что он не выдержит. Не в этот раз. Но Азалия снова прошептала:

— Хватит геройствовать, ведь ты не герой. Не сражайся, а беги. С помощью растений, ведь они твои союзники. Теперь и навсегда ты — их повелитель. Так управляй же ими! Приказывай и направляй!

И тогда он повелел лианам прикрывать его бегство, всячески путая бердотам ноги. Потом протянул руку к ближайшей кочке и мысленно приказал ей двигаться.

Из её центра, из самой сердцевины гниющей земли, взметнулся сплетающийся прямо на глазах живой мост из растений, корней и цветов. Толстый, покрытый мхом и шипами, но прочный. Он стремительно вырос, изгибаясь в воздухе, и упал на край кочки, где стоял Саббатон, словно высчитав расстояние.

Алквист не раздумывая рванул по шаткому переходу вперёд, словно канатоходец над бездной.

Под ногами шевелилась живая плоть растения. Она казалась достаточно твёрдой, чтобы выдержать лёгкое тело мальчика. Впервые за все эти годы Саббатон порадовался, что не изменился внешне, и его небольшой вес помогал ему теперь. За спиной в бессильной ярости заревели бердоты, их щупальца хлестнули по воздуху. Один даже схватил и затряс край моста, но Саббатон вырвал корни из земли, и мост обрушился на монстров. Вода взметнулась чёрной волной, и тишина на миг вернулась. Но только на миг.

Он упал навзничь, задыхаясь. За его спиной болото бурлило. Бердоты ревели, тонули, пытались выбраться из сетей, опутывающих их. Но туман снова сомкнулся над болотом, скры-

вая беснующихся тварей. А Саббатон лежал на мхе, прижав ладонь к животу, чувствуя, как золотистая магия Азии и зелёная Азалии бушуют внутри него.

И всё-таки он не умер, а возродился в новом качестве. Раньше был алквистом, а стал настоящим волшебником. Его магия теперь исцеляла и повелевала растениями. И если верить Азраиду, то способности алквиста никуда не делись. Если ему попадётся ведьма или маг, он опять непременно отберёт у них силы. И ничуть не пожалеет об этом. А с помощью Азалии и Азии теперь он отберёт жизни и у простых людей. Ведь ему теперь нужно больше чужих жизней, чтобы восстановиться, а после — чтобы править миром...

И вот теперь, наконец-то, он был не просто носителем для бога, а настоящим хозяином своей силы. Хозяином болота и повелителем растений, которые теперь безоговорочно его слушались.

Где-то вдалеке, под водой, затих рёв последнего бердота, только булькнуло что-то в чёрной воде. Мягкая и настороженная тишина нависла над Аурлингах. Но, как оказалось, ненадолго. Вскоре воздух сгустился, стал влажнее, пропитался испарениями гниющих корней.

Но пружина устоявшейся тишины не могла держаться долго. В тумане что-то дрогнуло, словно сорвалась струна арбалета. Из серой пелены неторопливо выступил высокий циклоп. Он был на две головы выше любого человека, которого Саббатон когда-то знал. Его тело казалось обмотано останками одежды: клочьями гнилой ткани, сплетёнными с лианами, водорослями и сухими травами, будто природа сама пыталась прикрыть то, что не должны видеть людские глаза. Его бледную, покрытую шрамами кожу, казалось, не раз резали, жгли и кололи. Возможно, его не раз убивали... и каждый раз он восставал из мёртвых.

Лицо циклопа было отмечено естественным уродством, и Саббатон скривился от отвращения. Единственный глаз существа казался жалкой пародией на человеческие. Саббатон не мог терпеть простых людей, потому что у них не было способностей ведьм. А сейчас перед ним предстал даже не человек, а существо с врождённым увечьем. Жалкое, страшное в своём бессилии что-либо изменить. Вынужденное прятаться на болотах и мстить за несправедливость мироздания случайным путникам.

Единственный глаз вытаращился ровно из середины лба. Желтушный, словно гной в ране, с нечеловеческим вертикальным зрачком, расширившимся от присутствия беззащитного человека, которого пока ещё не видел, ведь покрытый болотной грязью и слизью Саббатон больше походил на кочку. Тут циклоп потянул носом. Скрытые под мясистыми складками ноздри задрожали, втягивая воздух, отсеивая смрад болота, пока не нашли слабый, но живой след Саббатона. Его выдавал пот, страх и почти уже затянувшаяся окровавленная рана.

Циклоп бросился в направлении Саббатона, огибая кочки и громко шлёпая по мутной воде, разбрызгивая в стороны ряску и вонючую жижу. Его тяжёлые шаги громыхали даже по воде, и Саббатон чувствовал, как затряслась кочка, на которой он стоял. Каждое тяжёлое и неумолимое, полное голодной ярости движение разрывало мнимую тишину болота. Огромные руки с костяными наростами на кулаках, покрытых коркой, словно кора мёртвого дуба, уже тянулись к горлу Саббатона.

Алквист отпрыгнул, споткнулся о корень и упал на мох. Но в голове было ясно, словно он только что прозрел.

На его ладони, там, где Азалия впервые коснулась его плоти, рос цветок — маленький, белый, с золотистой сердцевинкой, словно капля утренней росы на листке. Цветок жизни и исцеления. Цветок, которым он мог управлять.

Красивый бутон почти мгновенно завял. Лепестки сморщились, почернели по краям, стебель одеревенел, и цветок превратился в сухой и твёрдый плод, покрытый тонкой сетью прожилок, будто паутина отпечаталась на скорлупе.

Саббатон сорвал его резким движением и метнул прямо в раскрытую, жаждущую его плоти пасть циклопа.

Тот не ожидал и машинально проглотил цветок. На миг циклоп застыл с распростёртыми руками, его глаз вытаращился, а зрачок расширился. Потом отвратительное существо переёрнула судорога.

Циклоп закашлялся, а грудь задёргалась. Он захрипел, пытаясь выплюнуть бутон, но было поздно. Из его рта, медленно, почти торжественно, пророс белый с золотой сердцевинкой цветок. Он распустился прямо между зубов. Корни уже вросли в язык, в гортань и череп, а лепестки дрожали от каждого выдоха.

Его глаз покрылся матовой, молочной поволокой, словно у слепца. Но под плёнкой мерцал слабый золотисто-зелёный свет, который раньше пульсировал в ране Саббатона.

Циклоп безвольно опустил руки и замер, словно статуя, вырезанная из болотного дуба. Он больше не принадлежал себе. Им управлял цветок, а тот слушался Саббатона, который медленно встал, тыльной стороной ладони вытер кровь с губы и злорадно улыбнулся ухмылкой человека, который наконец-то почувствовал, что владеет кем-то. Теперь не он служит и терпит чужие указания, словно раб. Теперь он на другом конце управляющей нити.

И теперь он владеет... Как сладостно это звучало!

— Не всё так плохо, оказывается, — прошептал Саббатон, и в его голосе прозвучало ничем не прикрытое удовольствие. Осознание, что теперь он может вернуть все долги, накопившиеся за долгие годы страданий. Месть — страшная сила, особенно если она терпеливо выросла из него самого, из его боли, из чужого предательства и долгого нетерпеливого ожидания.

Он сделал жест здоровой рукой, и циклоп развернулся, слегка нагнувшись. Саббатон с отвращением взобрался на него. От существа пахло отвратительно, но придётся потерпеть. Оно сейчас — единственное средство передвижения по болоту. Он усилием воли вырастил ещё несколько цветков на культе и ухмыльнулся. Теперь он может создать своё войско из глупых, слепо подчиняющихся его воле солдат. Или лучше сделать безропотным целое королевство?

Саббатон был приятно удивлён открывающимися возможностями и решил подумать об этом позже. А пока стоило покинуть эти гиблые места. И мальчик движением руки приказал циклопу идти вперёд.

Глава 3. Мутазаил

(Орин-Юджин)

Орин-Юджин неторопливо шёл по Мастинкарсту. Из огромной пещеры Логова ведьм ещё не выветрился дым и смрад горелой плоти. О недавней жестокой бойне свидетельствовали разбросанные повсюду трупы ведьм и их прислуги. Пустой каменный трон с обломанными непристойными барельефами казался сиротливым без хозяйки, а посреди зала застыла величественная фигура каменного дракона. Но кому понадобилось ставить в пещере, где место ограничено, огромную каменную статую, которую даже не поставишь в полный рост? Дракон, казалось, прижимался телом к полу пещеры, а на лице застыла ярость, переходящая в удивление.

Орин-Юджин остановился у огромной морды исполинского существа. Его магическая сила ощущала внутри камня жизнь, и... Это же Мутазаил! Маг чувствовал его бессмертную душу, которую кто-то невероятным способом заключил в этом изваянии. Ведь дух именно этого дракона Юлия разыскивала в Долине Оракулов и Красных Драконов, нашла его и привела сюда. Она рассчитывала на его помощь. И что-то пошло не так — иначе зачем Азраиду обращать его в скалу? Орин-Юджин не сомневался, что это устроил Азраид. Кому ещё под силу заключить призрака в камень?

Маг давно привык к смерти и не боялся её, но масштаб содеянного поражал. Десятки трупов и окаменевший призрака дракона... С сосредоточием таких сил не совладать и всему ордену Мазал Гур Драма вместе с послушниками и содружеством Сэмен.

Как можно вновь облечь в материю бестелесное, давно умершее существо? В камень. Это не укладывалось в голове, ведь подобное подвластно лишь богам.

Или?.. Необычная, безумная мысль закралась в дальний уголок сознания мага и свербела, не давая покоя.

«А что, если?..»

Ну вот... опять эта безрассудная идея... Но ведь никто его не видит в этой пещере? Ардинас с Астрой недавно ушли, а мёртвые никому ничего не расскажут, если их не попросить. Конечно, он вряд ли способен на столь мощную магию, доступную лишь богам, но почему бы магу просто не успокоить внутреннего исследователя?

Орин-Юджин, заворожённо глядя в каменные глаза дракона, медленно подошёл к застывшей в камне фигуре, погладил шершавую, но едва тёплую поверхность. Ему почудилось, что в глубине камня что-то едва заметно пульсирует, словно бьётся сердце. Но как такое возможно?

Что ж, если предстоит битва с всеведущим и почти непобедимым противником, то любые новые знания и умения пойдут только на пользу. Пока непобедимым, напомнил себе Орин-Юджин, ведь однажды этого бога изгнали из Мрачноземья. Надо лишь подобрать магию, словно отмычку к его мощи, и Азраид вновь отправится в изгнание. Должен отправиться, ведь если этого не добиться, то трупами будет усеяна вся земля отсюда и до Восточного океана. Эта мысль лишь уверила мага в его правоте и позволила отбросить ненужные в это тяжкое время сомнения в правильности поступков.

Орин закрыл глаза, положил вторую руку на камень и представил, как дышит в такт этой внутренней пульсации. Он уже пробуждал жизнь в неодушевлённом предмете. В камне, дереве, железе и даже... трупе. Это его суть, его магия, его душа, которая умеет найти жизнь там, где она, казалось бы, давно закончена. Но раньше он разменивался по мелочам: заставлял двигаться мертвеца или открывал запертую дверь, пробуждал движение в мёртвой породе. Сейчас же перед ним целый дракон, вернее, его древний дух, запечатанный в каменную тюрьму силами Владыки Мрака. Разница огромна. Словно между искрой и лесным пожаром. И всё же принцип тот же: найти живое в мёртвом. Дотянуться и позвать, заставить поверить, что оно ещё не ушло и ещё живо.

Слившись с камнем мыслями, верховный маг тихо позвал. Ещё раз и ещё, пока исполинское сознание не встрепелось, пока не вспомнило, что оно — призрак, а не камень.

— Мутазаил! Ответь мне, Великий дракон!

Камень отозвался вибрацией, словно где-то внутри зарычал недовольный зверь.

— Кто тревожит меня? — встрепелся дух. — Назовись, смертный, прежде чем я решу, стоит ли мне с тобой разговаривать.

— Я — Орин-Юджин, верховный маг Сэмена. Я здесь, чтобы вернуть тебе жизнь.

Повисла долгая пауза. Камень перестал пульсировать, словно существо внутри затаилось.

— Вернуть? — в голосе дракона прозвучала надменная насмешка и презрительное неведение. — Ты говоришь так, будто жизнь — это мелкое жульничество балаганного фокусника. Щёлкнул пальцами, и заставил кого-то жить... Ты вообще уверен, что достоин такой магии? Кроме того... Я уже был древним, когда твой род ещё ползал в грязи и жевал траву. Не тебе предлагать мне подобные дары.

Орин сжал зубы. Ох уж эти древние высокомерные драконы... Вернее, их призраки.

— И всё же ты здесь, и заточён в камне. Бесконечно бессильный и почти угасший огонёк древней души. Последний из благородного рода чёрных драконов, последний из духов.

Дракон яростно вздрогнул внутри каменной оболочки.

— Бессильный? — прогремел он. — Я пережил смерть! Я стал духом, когда иные исчезли без следа! Даже Азраид меня не смог уничтожить, а лишь спрятал в этой каменной темнице. Это не слабость моя. А наоборот, это величие, которого тебе не понять. Это бессмертие!

— Тогда докажи, — тихо предложил Орин. — Выйди отсюда. Покажи миру, что даже камень не может удержать дракона и его бессмертный дух.

Ответом была тишина, но уже не насмешливая и надменная, как раньше, а тяжёлая, напряжённая. Дух дракона обдумывал сказанное магом, сомневался в собственных словах, мрачнел.

— Ты ловко треплешься языком, маг, — сказал наконец Мутазаил, словно чувствуя, что его обманывают. — Будто каждым своим словом куёшь для меня сегменты одной огромной и тяжёлой цепи. Ты ведь не хочешь освободить меня, верно? А хочешь владеть мной.

— Я лишь ищу союзника, — ответил Орин. — Я подарю тебе вторую жизнь, а взамен прошу лишь когда-нибудь оказать мне одну небольшую услугу.

— Услугу... — призрак в камне рассмеялся, и смех отозвался вибрацией по всей пещере. — Драконы не служат, разве ты не знал? Это они могут решать, кто и кому должен, но никогда наоборот, смертные — драконам.

— Даже каменные? — спокойно спросил Орин. — Сейчас ты не сможешь отогнать от себя даже собаку, которая пристроится, чтобы справить нужду у твоей лапы...

Насмешка достигла цели, и камень вздрогнул, словно призрак внутри обиделся. И после долгой паузы дракон заговорил.

— А ты дерзок, маг. И потому я тебя не уничтожу, когда оживу. Только знай, что с моей стороны это щедрость и великая благосклонность.

— Значит, ты согласен? И... мы договорились насчёт услуги?

— Я согласен принять твой широкий жест почитания и... светлой воли, маг, — процедил дракон. — Но запомни: ты мне не хозяин. Ты лишь тот, чьё имя я вспомню, когда придёт время платить долг. И если твоя просьба окажется недостойной дракона, то я раздавлю тебя прежде, чем исполню её.

— Справедливо, — кивнул Орин.

— Тогда действуй, — велел Мутазаил. — И молись, чтобы я не передумал.

— Потерпи ещё немного...

Орин-Юджин постарался почувствовать каждую частичку камня. Он действовал так же, как когда-то у древней двери камеры Даллилы Гонта в подземельях Мазал Гур Драма. Только

теперь из-за чудовищного масштаба заклинание пришлось произносить медленно, по слогам. Он словно поднимал якорную цепь с морского дна. Каждое слово отдавалось болью в висках, каждый слог забирал тепло из тела. Когда он отправил в камень последний звук, руки уже онемели, а холодный пот уже струился по лбу к глазам.

Камень лопнул во многих местах, затем задвигался, загрохотал. Маг открыл глаза и сделал несколько шагов назад, чтобы оживший дракон ненароком не раздавил его. Порода хрустела и трещала, но до конца так и не раскололась. И тогда дракон замотал головой, сомкнул каменные веки, раззявил огромную пасть и, наконец, с грохотом расправил величественные крылья, задевшие своды пещеры, отчего вниз посыпались камни. Орин поднял руки, защищая голову. Если дракон не успокоится, то обрушит своды и завалит пещеру вместе с магом.

Мутазаил медленно повернул массивную голову, оглядывая зал каменными глазами, в которых не было зрачков — лишь тусклое свечение изнутри. Потом долго и пристально посмотрел на мага, и, как показалось Орину, зло. Маг выдержал взгляд, хотя ему хотелось отступить ещё на несколько шагов.

— Я не смогу больше летать, — прогремел дракон каменной пастью. — И это ты называешь возрождением к жизни?

— Зато теперь ты можешь ходить, не зная преград, — пожал плечами Орин-Юджин. — И давить, кого захочешь. Сомневаюсь, что найдётся хоть кто-то, кто сможет повалить тебя на землю.

— Я настолько тяжёл, что для меня нет преград, — согласился Мутазаил. — Раздавлю всё на пути... Всё и всех... Втопчу в почву, сравняю с землёй.

Он шагнул, и пол пещеры треснул под его каменной лапой. Сделал второй шаг, третий. Дракон даже не оглянулся на Орина и не попрощался. Он просто пошёл к выходу, и стены при этом дрожали. У выхода он остановился, и Орин на мгновение решил, что дракон всё-таки скажет хоть что-то. Может, поблагодарит или, на худой конец, пригрозит.

— Где Юлия? — спросил Мутазаил, и голос его стал другим. Почти враждебным. — Она приходила за мной дважды. Она не знала, какую ношу несёт, но несла. И теперь я иду к ней, чтобы вернуть долг. Драконы верны своим обязательствам. Знай это, маг.

Он не объяснил, зачем это сказал. И от этого Орину стало неудобно. Не дождавшись ответа, дракон протиснулся в проход, обрушив часть свода, и тяжёлые шаги стали удаляться, пока не растворились в эхе подземелья.

Орин стоял, глядя на осыпавшуюся породу. Руки всё ещё были холодными после заклинания, но внутри поднималось горячее и едкое, весьма неприятное чувство.

Опять Юлия! Даже здесь и сейчас Юлия. Хотя это он совершил то, чего не делал никто и никогда, — вдохнул жизнь в окаменевший дух дракона, — а тот развернулся и пошёл к ней. Как будто это она стояла в дыму и смраде, поднимавшемся от уничтоженных ведьм, как будто это она рисковала рассудком, сливаясь с чужим каменным сознанием.

Он вспомнил тот разговор в чёрной башне Мазал Гур Драма. Он предлагал ей место рядом с собой, но не любовницей, а равной, уважаемой и любимой супругой, и он ещё подбирал слова, выверял интонацию, чтобы не казаться жалким просителем. И что в ответ? Он с горечью вспомнил, какими глазами она посмотрела на Ардинаса тогда на Донжоне крепости Оракулов и Красных драконов... С тем тёплым, невыносимым выражением, от которого Орину почему-то хотелось разбить что-нибудь тяжёлое о стену. С тем выражением, которого желал он сам для себя.

Но ведь Ардинас Та Мэй, этот жалкий эльтрусский королевский отпрыск, не мог предложить ей и десятой доли того, что мог Орин. Верховный маг готов был даровать ей весь Сэмен. И они бы вместе правили семью королевствами из крепости Мазал Гур Драма, связанные общей судьбой. Но она отказалась и тем самым обрекла Сэмен на катастрофу. Разве она не понимала этого?

Внутри Орина-Юджина вдруг стало пусто, будто из него вынули что-то очень ценное, а на освободившемся месте осталась лишь бесконечная мёртвая пустыня. Там медленно поселилась обида, вцепилась в мысли, стала грызть душу, перекраивать её, запутывать всё, что ещё недавно было ясным и очевидным. Звание верховного мага Света неожиданно показалось Орину-Юджину дешёвой наградой за бесконечное одиночество. Вершина теперь представлялась не той высотой, на которой можно править всеми, а лишь опасным узким уступом, где просто не с кем стоять рядом.

Он вдруг ясно увидел мать. Её вечно вежливую улыбку, пренебрежительный тон, отстранённый взгляд через плечо отца. Их жизнь была правильной, учтивой и выверенной... но какой-то мёртвой. Он ненавидел эту холодную правильность. Ненавидел так же, как сейчас ненавидит мысль, что его ждёт та же долгая, чистая, безупречная пустота. И будущая жена лет на сорок или пятьдесят моложе его. И он, как раньше мать к отцу, будет относиться к ней словно к дитятке, а не равной супруге. Но почему?.. Почему так?

«Ведьма, — мелькнуло в голове. — Неблагодарная ведьма...»

Слова обожгли изнутри. Орин-Юджин понимал, что врёт сам себе, что Юлия совсем не такая, какой обида внутри него желала её выставить, но густая и тёмная злость уже кипела и требовала выхода. Разум послушно подбрасывал всё новые оскорбления для этой ведьмы, одно ядовитее другого, и маг ловил себя на мысли, что смакует их и почти наслаждается этой внезапной жестокостью. Жаль, её не было рядом. Он бы сказал всё, что думал, прямо ей в лицо.

И всё же с ним осталась утешительная мысль: дракон. У него будет дракон. Пусть ненадолго, пусть на одну единственную просьбу. Услугу, которая однажды будет оказана. Например, раздавить Азраида. Или стереть замок этого молодого принца Та Мэя вместе с его благородными хозяевами, или растоптать развалины замка Ди Ванэско в пыль. Сломать, доказать, заставить...

Орин резко мотнул головой. Мысли становились слишком тёмными, слишком приятными и слишком желанными. Когда-то он клялся быть на стороне Света не только делами, но и всей душой. А сейчас чувствовал, как что-то тяжёлое и чужое осторожно устраивается в груди, примеряется к его внутреннему голосу, пробует мысли на вкус. И пугает то, что он находит их вполне подходящими и даже приемлемыми.

— Нет. Хватит.

Пора возвращаться и созывать Совет. Через неделю, если повезёт, все только подъедут, а он к этому времени успеет поговорить с отцом, навести справки в библиотеке. Надо действовать. Это лучшее лекарство от мрака.

Он поднял склянку с жваасси и закрыл глаза. Ему вновь предстояло пройти тропинкой Теней.

— О сири, ван стойрикс, о разас, ван мортен!.. — произнёс он слова древнего заклинания, и серые клубы взметнулись вокруг — переход на тропу Теней в межмирье начался.

Свежи ещё были в памяти отголоски связи с вратами Вискариса, через которые он открыл путь в город мёртвых магов, и Орин ухватился за эту ниточку. Тропа Теней приняла его слишком неохотно: после заклинания с драконом тело отзывалось на магию с задержкой, будто он превратился в промокшее дерево, которое не хочет загораться. Но маг протиснулся на Тропинку Теней, продавил себя через негостеприимную пелену, и мир на мгновение стал серой рябью с многочисленными неприветливыми тенями душ, а потом почти сразу вспыхнул факелами и склянками с жваасси подземного зала Вискариса.

Он появился у ворот города мёртвых на глазах у изумлённых магов-послушников, которые готовились оборонять этот выход из Вискариса от поднимающихся из глубин мертвяков. Молодые и насмерть перепуганные послушники с бледными лицами и неуверенными позами. Где-то глубоко в пещере стоял протяжный гул, поднимающийся с самого дна.

— Запечатайте дверь, — распорядился Орин тоном, не терпящим возражений. — Оставьте минимальный дозор. И созовите Совет Семи. Выполнять! Живо!

Послушники недоумённо переглянулись: аль Вааль никогда не был столь резким и строгим. Но послушаться они не осмелились.

А Орин-Юджин уже поднимался по крутой лестнице, не оглядываясь. Он боялся, что если остановится, то тёмные мысли живо догонят и спеленают, как младенца. И совратят...

Глава 4. Дракон

(Ардинас)

Ардинас вышел из чрева Мастинкарста, когда солнце уже тонуло в багровом мареве заката, заливая поле, далёкий лес и маячивший впереди Олуок кроваво-рыжими мазками. Воздух казался тяжёлым, пропитанным гарью и сладковатой вонью палёной плоти, доносившейся от городских стен, где всё ещё продолжалось сражение. Ветер доносил до Логова Ведьм и Ардинаса отзвуки боя. И даже несмотря на то, что город находился в нескольких лигах, принц ясно слышал далёкий грохот осадных машин, лязг стали и крики. Дым от охваченной огнём дозорной сносился ветром в сторону Логова и смешивался с тёмным облаком, нависшим над полем.

Почти тот же смрад, означающий жестокую бойню или битву, который встретил его ещё в пещере. Видимо, дракон, хоть и призрачный, перед тем как навеки окаменеть, дал ведьмам бой. Трупы женщин и их прислужников валялись на каждом шагу. Ардинасу было искренне жаль его. Ведь Мутазаил нравился Юлии, и она пошла за ним на край света, а он, очевидно, ради неё пожертвовал своим призрачным существованием. И теперь навечно застыл, заключённый в безмолвный камень. Должно быть, жестокое наказание для вездесущего призрака.

Ардинас окинул взглядом каменные статуи ведьм и их слуг, стоящие при входе, и остановился. Нужно поправить помятый в схватке на донжоне нагрудник. Но едва перевесил секиру на спину и поудобнее перехватил рукоять двуручного меча, как за спиной раздался тяжёлый лязг.

Он с удивлением оглянулся. Астра, на ходу подтягивая сбившиеся чёрные драконьи латы, неуклюже бежала, стремясь догнать рыцаря.

— Сир! Пойдите! — выкрикнула она, задыхаясь и то и дело хватая ртом воздух. — Я пойду с вами. Хочу помочь...

— Чем же ты можешь помочь? — хмуро спросил Ардинас. Вид девушки в доспехах, которая никогда в жизни не носила доспехов и не держала меча, вызывал искреннее удивление.

— Я же волшебница... ещё учусь, но уже да... — пожала плечами девушка, пытаясь отдышаться, и поравнялась с ним. Помытое забрало чёрного шлема соскользнуло и упало на грудь, и на юношу уставилась женщина, на его взгляд едва ли не вдвое старше него. — Вы же в стране жестоких колдунов. Как вы тут без магии? Как вы... без меня?

— Не боишься? — уточнил Ардинас.

— Боюсь, — кивнула Астра, но тут же поправилась: — Но я вдруг поняла, что будто и не жила там, в Мазал Гур Дrame. А здесь... даже вопреки опасности... так интересно, так волнительно и ново...

— Не пожалеешь? — вновь спросил принц. Глаза Астры заматались, словно она хотела соврать, но она неожиданно прямо посмотрела на Ардинаса и отрицательно покачала головой. — Хорошо. Надеюсь, тебя не придётся постоянно вызволять из беды? А то мне уже есть кого вытаскивать из лап Мрака.

Она сглотнула, но тут же кивнула.

— Не придётся. Да и я кое-что умею. Думаю, пригожусь.

— Хорошо. Тогда идём. Жизнь Юлии в опасности. Её лишили силы, насколько я знаю. А теперь и дракона. Ей очень нужна наша... моя помощь... — Ардинас сплюнул, стараясь избавиться от привкуса пепла и собственной крови, накопившихся в течение безумной гонки по долине Оракулов и Красных драконов без возможности нормально утолить жажду. Безумный замок Оракулов с его невозможным лабиринтом ходов и миров растратил столько его сил, что и не сосчитать. И не восполнить сразу. — И не называй меня «сир». Нам надо меньше привлекать внимание...

— Хорошо. Вы...

— И почтительность брось! Чтобы я не слышал! Пока мы в стане врагов, для всех мы простые боевые товарищи. Поэтому только на «ты» и никаких титулов. Иначе нас живо раскусят. И... при посторонних держись грубее... словно мы бывалые соратники, которые давно вместе и хлебнули немало лиха. Ясно?

— Конечно, сир... Простите... Прости! — поправилась Астра. И сделала голос ниже и грубее: — Поняла, Арди. Мы с тобой в одной упряжке. Иди впереди, а я прикрою тыл!

— Боги, что ты несёшь? Какой, Арди? — выдохнул Ардинас и махнул рукой. — Просто будь собой и не величай меня принцем. И... лучше поменьше болтай.

Астра поправила ремень на плече. Кожа под ним уже изрядно натёрлась. На левом плече проступила саднящая мозоль, и каждый шаг отдавался в ней назойливым жжением. Она на мгновение оглянулась на Логово Ведьм, испытывая внезапный порыв вернуться к магу Андрамена.

Дым всё ещё лениво сочился из чёрного зева пещеры, словно это место превратилось в умирающего зверя, который выпускал последний вздох. Внутри, в этой могиле из камня, осталась только мёртвая тишина и Орин-Юджин. Ну и пусть. Это он виноват в смерти её друзей, таких же послушников, как и она. Больше Астра не намерена возвращаться в этот унылый оплот магов. Лучше будет странствовать с принцем и слушать только зов своего сердца, а не эти занудные поучения мальчишки, который и жизни-то ещё не видел...

Астра поджала губы и молча зашагала следом за принцем. Холодные, покрытые копотью и засохшей кровью латы, доставшиеся от Юлии, помятые и изуродованные силой ведьмы, всё ещё хранили её запах. И, казалось, придавали новых сил и воодушевления Астре, будто сама мысль, что она носит чужие доспехи, могла даровать отвагу. Именно это сейчас и чувствовала послушница и смело шагала за принцем, словно уже была опытной, закалённой в боях чародейкой, похожей на Юлию — новый идеал для подражания. На поясе болтался найденный в пещере клинок. Невероятно лёгкий меч с потемневшей от времени рукоятью, лезвие которого, казалось, жило даже в ножнах. Астре чудилось, будто держать его в футляре ужасная ересь, и ей всё время хотелось выхватить и не выпускать меч из рук, но она сдерживала порыв.

«Маг она или не маг, в конце концов? Должна сдерживать внезапные порывы, иначе с магией не совладать. Вспомни, чему учили в Мазал Гур Дrame».

— Этот клинок... её, — сказала Астра в спину удаляющемуся принцу, перекидывая кожаную лямку на другое плечо. Лицо её казалось излишне сосредоточенным, а глаза горели упрямством. Она кивнула на город в осаде: — Я, кажется, чую её. Если кто-то и слышал о черноволосой графине ди Ванэско, то точно там. Мне кажется, это самый верный путь... вариант... В смысле, он ближайший. Кто бы её ни пленил, успел бы только сюда её отвести.

Ардинас молча кивнул, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Это вполне логично, если бы обошлось без магии. Но ведь именно без неё-то и не обошлось... А потому принц даже приблизительно не представлял, как и где будет разыскивать графиню. Кажется, Тантара почти так же велика, как и Сэмен, но тогда ему и жизни не хватит, чтобы прочесать все закоулки страны Мрака. Кажется, он сглупил, когда остался в одиночку искать девушку в чужой враждебной стране, но разве мог он поступить по-другому и бросить Юлию? Нет, конечно! И даже если его решение ошибочно, он от него не откажется и поиски не бросит! А способ ускорить поиск обязательно найдёт. Надо только до Олуока добраться...

Попавшийся по пути каменный указатель с выжженным названием города безмолвно подтверждал, что впереди чьи-то войска штурмуют Олуок, хотя непонятно, чьи и зачем, ведь в Сэмене обычно соседи не воевали друг с другом. Но, напомнил себе Ардинас, они были не в Сэмене, а в Тантаре, и здешние обычаи для них неведомы. Вполне возможно, тут так принято, а потому все нападают на всех, и никто не видит в этом ничего необычного. Белые стены почернели от копоти. Осадные машины закидывали их чадящими огненными ядрами,

а со стен изливались потоки жидкого огня, чтобы охладить пыл тех, кто жаждал ворваться внутрь.

Они не прошли и лиги, а Ардинас уже прикидывал, как можно обойти отряды осаждающих, сеющих разруху, и пробраться в город, когда на них напали.

Сначала послышался громкий шорох и свист. Потом промелькнула быстрая тень над головой. Ардинас встрепенулся: рука сама легла на рукоять двуручного меча, а другая потянулась к секире за спиной.

— Гастарды... — прошептала Астра, и голос её дрогнул. — Я думала... сказки... Мне казалось, они остались в народных поверьях да страшных историях, которые рассказывают дремучие крестьяне своим детям. Да в гобеленах, висящих на стенах зала для тренировок в Мазал Гур Дrame.

— В Сэмене их давно... — начал Ардинас.

— Справа! — прервала его Астра, и принц резко уклонился влево. Когти зверя рассёкли воздух там, где только что стоял принц, а Ардинас громыхнул доспехами, когда покатился по земле, но тут же вскочил на ноги, разворачиваясь.

— Вот же гадство... — выдохнул он.

— Цел? — уточнила Астра, пытаясь водрузить на место съехавшее забрало и одновременно выхватить из ножен Гринандэр — меч Юлии. Слабо засветились таинственные символы, выгравированные на его лезвии.

— Пока да.

— Тогда осторожнее. Их тут много. Я чувствую, — она указала на висок, давая понять, что её магия работает. — Их здесь много.

Из зарослей терновника, опоясывавших владения ведьм, вырвалась новая тварь. Должно быть, защитные чары пали, и Логово осталось без магического барьера. Те гастарды, что выжили при атаке на ведьм, теперь искали новую жертву, чтобы отыграться на других за свой провал.

Огромная крылатая кошка размером с тяжёлого боевого коня выскочила из кустов, давая рассмотреть себя во всей своей диковинной красе. Чёрно-серая шерсть свалилась, перепончатые крылья натянуты и порваны в нескольких местах, должно быть, от падения в колючий кустарник. Длинные, кривые когти цвета старой бронзы готовы проткнуть любого, кто встанет на пути. А огромные жёлтые глаза источали одновременно и голод, и безумную, ничем не сдерживаемую ярость.

Она подпрыгнула и взмыла вверх, оттолкнувшись задними лапами, и пронеслась по воздуху на расстояние, равное полёту стрелы, спланировав и приземлившись недалеко от принца с волшебницей. За ней, доламывая кустарник, выбирались ещё... Десять или двенадцать — целая стая!

— Бежим! К городу! Там хоть какая-то возможность смешаться с хаосом, раствориться в нём! — рявкнул Ардинас, сжимая клинок и подталкивая Астру в спину.

Первая гастарда обрушилась сверху. Ардинас нырнул вбок. Там, где он был мгновение назад, когти вгрызлись в землю, вырвав комья дерна и глины. Принц рубанул наотмашь, и лезвие чиркнуло по мощной лапе и отсекло крыло. Кровь брызнула в стороны. Тварь дико взревела и отскочила, но тут же прыгнула вторая.

Астра вскинула руку, пытаясь ошутить разум ближайшей. Её пальцы дрожали. Магия управления разумом — её единственное настоящее оружие, но эти звери были слишком древними, слишком чуждыми: их сознание скользило мимо её магии, избегая соприкосновения с её магической аурой. Гастарда мотнула головой, будто отгоняя назойливую муху, и бросилась на волшебницу.

Ардинас успел раньше. Меч вошёл в бок твари под рёбрами. Раздался хруст костей, горячая кровь брызнула ему на нагрудник. Гастарда завизжала, когти полоснули по его плечу, раз-

рывая наплечник доспеха. Он стиснул зубы и пнул тварь в морду железным сапогом, отчего захрустели кости, и раненый зверь отпрянул назад.

Не дожидаясь, когда остальные существа набросятся на них, они рванули к городу, спотыкаясь, задыхаясь и отбиваясь. Астра размахивала мечом Юлии, и с клинком девушке удавалось управляться куда лучше, нежели с собственной магией. Неподконтрольные её силе гастарды оказались очень даже уязвимы перед сталью. Женщина рубанула по крылу напавшей сзади твари, и перепонка лопнула. Зверь рухнул, визжа и брыкаясь. Остальные наседали сзади, перепрыгивая через павшего сородича и стараясь не упустить добычу.

— К Олуоку! Живо! — прохрипел Ардинас. — Там... стены и люди... там схватка!

Они вырвались на открытое поле перед городом. Но Олуок горел.

Белые стены, когда-то сиявшие, теперь покрылись чёрной копотью, словно их облизал огромный язык пламени. Огонь пожирал подножие башен, взвивался языками там, где падали горшки со смолой. Примитивные онагры и метательные машины скрипели и трещали, швыряя снаряды через парапет. Вокруг стен кишела орда: варги в мехах и рогатых шлемах, разбойники в лохмотьях, наёмники в разномастных доспехах. Таран бил в ворота. Глухие и ритмичные удары порождали дрожь в земле. Враги лезли вверх, но лестницы раскачивались, когда защитники толкали их длинными рогатками, и нападавшие, громко вопя, летели вниз, обожжённые кипятком и пронзённые стрелами.

И вдруг один-два воина развернулись. Видимо, крики и рёв гастардов привлекли их внимание. Они что-то прокричали товарищам, и варги с наёмниками начали оборачиваться, наблюдая, как двое бегущих людей мчатся от стаи крылатых тварей, преследующих их.

— Наперерез! — заорал кто-то в толпе. — Окружить! Схватить! Убить, если не получится взять живьём!

Ситуация накалилась до предела. Ардинас замер, и Астра едва не влетела ему в спину. Гастарды подбирались сзади, варги обступали спереди, заклиная в кольцо и сжимая его.

И тут Астра почувствовала что-то отличное от мыслей древних гастардов. Для неё это было словно глоток свежего воздуха, ворвавшийся в душное помещение. Вот оно! Она чувствовала мысли варгов, ощущала их страхи, переживания, боль — словно они были людьми.

— Ардинас, — подтолкнула она принца и мотнула головой назад, мол, «гастарды — твои». — Меняемся! Я знаю, что с этими делать! А на тебе — звери...

Ардинас удивлённо взглянул на волшебницу. Столь разительная перемена в её поведении удивляла, но не могла не радовать. Она брала ход битвы в свои руки и снимала заботу о себе с плеч принца. Он ухмыльнулся под забралом и встал спиной к Астре.

Гастарды набросились, как и варги. Хорошо, что не все сразу, а поочерёдно, уступая друг другу место. Ардинас орудовал двуручным мечом, а когда тот застревал в мёртвой туше, поднимал с земли секиру и продолжал рубить крылатых тварей, ярость которых застилала им глаза и всё бросала и бросала на людей.

Астра же одной рукой направляла свою силу, указывая на приближающегося варга, и тот словно проваливался в иной мир, переставал видеть женщину и начинал биться с какими-то невидимыми кошмарами. И пока он отвлекался, она наносила ему другой рукой смертельный удар Гринандэром. И так по очереди. Один варг, второй... пятый.

В какой-то момент дыхание сбилось, и, используя паузу в нападении гастардов, Ардинас выпрямился, чтобы отдышаться. Он воткнул секиру в землю и в очередной раз вытащил свой меч из тела твари. Кровь текла по руке под помятым наплечником. Клинок уже дрожал в ладони от усталости.

«Вот и всё, прости, Юлия», — подумал он, и её лицо, каким он помнил его, встало перед глазами.

Он криво и горько усмехнулся и повернулся к волшебнице. Та тоже тяжело дышала и указывала пальцем на одного из варгов, который, дрожа от страха, направлял себе в живот

собственный меч. Остальные с ужасом наблюдали за этим; один из них уже поднимал лук и натягивал тетиву...

— Ну что ж... умрём красиво, — произнёс Ардинас.

Астра кивнула. Пальцы побелели на рукояти меча Юлии. Гастарды припали к земле, готовясь к новому броску. Варги подняли копья и топоры.

И тут земля ощутимо вздрогнула. Сначала по ней прошла лёгкая дрожь, будто вдали сделал шаг кто-то исполинский. Потом последовал тяжёлый удар. Ещё один. И ещё. С каждым разом почва под ногами ходила ходуном, а в груди отдавалось глухим эхом. Враги застыли, вглядываясь в сторону Логова Ведьм.

Из чёрного зева Мастинкарста с оглушительным грохотом, от которого заложило уши, вырвалась каменная громада. Неведомая сила швырнула в стороны обломки скал, вырванные с корнями деревья и каменные изваяния, некогда сторожившие вход в пещеру Ведьм. Будто сама гора родила другую, ещё более страшную гору, но поменьше.

— Что это? — выдохнула Астра.

— Мутазаил, — просипел Ардинас. Горло внезапно пересохло, слова давались с трудом. — Боги... Но как?

Каменный исполин двинулся вперёд, стряхивая с себя обломки породы и пыль. Каждый шаг отдавался в земле небольшим землетрясением. Мощные каменные лапы оставляли глубокие ямы после себя. Огромные крылья расправились с громким грохотом, и свет дня, казалось, померк от отброшенной на людей тенью.

Мутазаил на миг застыл, обводя каменным взором поле битвы и пылающие стены города. Вокруг всё замерло: и гастарды, и варги, и защитники города. Каждый молил богов, чтобы каменное чудовище не заметило его и прошло мимо. Дракон шумно втянул воздух ноздрями... и уловил знакомый запах Юлии. Вот она... стоит совсем рядом, в гуще поверженных тел гастардов, облачённая в чёрные латы, созданные из его же шкуры. В её руке сияет знакомый меч Гринандэр.

Дракон нашёл Юлию! А потому он взревел и двинулся на врагов, окруживших Ардинаса и Астру. Он принял девушку в чужих доспехах за хозяйку меча. Каменный зверь ринулся вперёд, сметая с пути тварей, слишком уверовавших в собственную неуязвимость.

Когда лапа обрушилась сверху, земля взорвалась фонтаном глины, обломков брони и костей. Две гастарды исчезли под каменной стопой. Твари не успели издать ни звука. Тяжёлый грохот, и лишь мокрое, алое пятно на месте, где они стояли.

Хвост Мутазаила взметнулся дугой. Сначала двигался медленно, с тяжёлой, неумолимой грацией, но в конце хода набрал чудовищную скорость. Воздух пришёл в движение. Хвост с грохотом обрушился на врагов, и людям на стенах города показалось, что обвалилась гора. Три гастарды, не успевшие отскочить, подлетели в небо, кувыркаясь в воздухе. Тела обрушились на варгов у осаждённых стен. Те испуганно отпрянули с дикими воплями, стряхивая с доспехов клочья шкуры и тёплую кровь.

Одна из тварей, ловчее прочих, метнулась прямо к Ардинасу. Когти уже тянулись к его горлу, когда её сверху накрыла каменная тень. Лапа стремительно опустилась, и драконий коготь, толщиной с вековой дуб, вонзился в землю рядом с принцем. Гастарда согнулась пополам, глаза вылезли из орбит, а пасть раскрылась в беззвучном визге. Тело плюхнулось на землю, пришипленное каменным остриём.

Самые отчаянные твари прыгнули Мутазаилу на спину. Зубы и когти крылатых зверей пытались разодрать каменную чешую, и по полю разнёсся оглушительный скрежет. Звери рвали, царапали, искали трещины и любое слабое место... Но каменная плоть дракона была скальной породой. Её сотворил сам Азраид, чтобы пленить призрачную сущность дракона, а магия Орина-Юджина вдохнула в неё жизнь. Когти скользили по живому камню, оставляя

лишь белёсые полосы. Дракон не чувствовал боли. Лишь глухую, с каждым мгновением нарастающую ярость.

Мутазаил взревел, и рёв этот, подобно ударной волне едва зародившегося вулкана, толкнул воздух. Тот сгустился, пошёл зыбью и обрушился на поле с такой силой, что, казалось, достал до самых стен Олуока. Сотни варгов и лучников на стенах свалились с высоты, а костры под осадными машинами погасли разом. Ардинас ощутил, как заложило уши, но удержался на ногах, воткнув в землю меч, а другой рукой помог Астре. Варги в первых рядах рухнули на колени, от громоподобного звука хватаясь за головы. Гастард на спине дракона содрогнулся в конвульсиях, будто рёв повредил его внутренности.

Мутазаил стряхнул его резким, почти презрительным движением тела. Тварь взмыла в воздух, кувыркаясь, и рухнула на землю спиной вниз. Позвоночник громко хрустнул, и Астрада невольно отвернулась.

Пасть дракона раскрылась. Вот только внутри отсутствовало пламя, а шершавый каменный язык лишь ворочался и скрежетал об огромные зубы. Последняя гастарда, дрожа всем телом и расправляя крылья для бегства, попятилась, но было поздно. Мутазаил резко втянул воздух, создав чудовищную тягу, и тварь влетела в разинутую пасть. До Ардинаса и Астры донёсся лишь хруст и предсмертный визг, оборвавшийся столь резко, что со всей отчётливостью люди услышали только тяжёлое дыхание каменного зверя. Челюсти сомкнулись. Дракон мотнул головой и замер, устремив взор вперёд. В глазах по-прежнему тлел багровый огонь.

Варги застыли, словно надеялись слиться с землёй и остаться незамеченными. Вокруг воцарилась мёртвая тишина. Даже пламя на стенах Олуока, казалось, замерло в ожидании. Защитники на парапетах смотрели на каменного исполина, и в их глазах читался благоговейный ужас перед первобытной, хтонической мощью. Перед ними словно явилось не живое существо, а гора. И у этого чуда должно было быть имя...

— Меня зовут Мутазаил! Запомните это! — громогласно проревел каменный исполин и с силой хлопнул крыльями о землю. Ударная волна подкинула ближайших врагов, отшвырнула в стороны, сокрушила деревянные рамы катапульт и разметала осадные лагерь.

А потом Мутазаил неторопливо пошёл на варгов. Левая лапа обрушилась на щитоносца. Правая лапа поднялась и опустилась на варга с топором. От него остался лишь кровавый отпечаток в траве да обломки оружия. Хвост метался из стороны в сторону. Взмах, и десяток варгов разлетелся в разные стороны. Кому-то пробило грудь, двоим оторвало ноги, остальных швырнуло прямо на городскую стену, где они повисли на каменных выступах, дёргаясь в предсмертной агонии.

Огромные крылья вновь расправились. Первый взмах снёс ближайшие осадные машины. Деревянные рамы разлетелись на щепки, а тяжёлые платформы покатались по склону, словно детские тележки. Второй удар пришёлся по тарану. Дубовый ствол, окованный железом, надломился пополам с оглушительным грохотом. Оставшиеся в живых варги бросили оружие и побежали, но отступить было некуда.

Орда варгов откатывалась от стен Олуока в слепой панике. Люди-наёмники толкали друг друга, падали под копыта лошадей, давили раненых. Варги бежали быстрее всех. Их крики слились в единый хор отчаяния, а над полем, покрытым телами, возвышался и бушевал каменный дракон. Он был облит кровью и клочьями плоти, но выглядел спокойным и уверенным в своих силах, будто он не в гуще битвы, а в большой песочнице с маленькими деревянными игрушками.

Он остановился посреди поля, окружённый телами и обломками осадных машин. Каменная пыль сыпалась с его спины, смешиваясь с чужой кровью. Защитники на стенах попрятались за зубцами. Люди старалисьшний раз не высовываться. Никто не рискнул крикнуть ни слова благодарности за то, что дракон отогнал врагов. Мутазаил медленно повернул голову,

игнорируя жалкие кучки бегущих воинов. Гневный взор впился в женщину в чёрных драконьих латах.

— Ты... не она, не Юлия! — сказал он. В его гроыхающем голосе рокотала ярость и разочарование. — В тебе её дух... но не её кровь! Ты надела её латы и взяла её меч! Ты вор?

Каменная лапа медленно поднялась, не оставляя сомнений в намерении дракона. Астра испуганно отступила на шаг. Ардинас же шагнул вперёд, расставив руки и закрывая собой Астру; кровь всё ещё капала с его пальцев.

— Стой, Мутазаил! Ты же помнишь меня! Долина Оракулов! Я был там с ней! Я помогал Юлии!

Дракон замер. Огненные зрачки сузились, остановились на человеке, посмевавшем противиться великому дракону.

— Да... — сказал он уже тише. — Помню тебя, рыцарь. Ты стоял рядом. Отвечай же, смертный. Где Юлия? Что ты с ней сделал?

Астра устало опустила клинок. Ардинас начал рассказывать:

— Её схватили слуги Мрака. Ей, должно быть, грозит смерть. Мы идём по её следу, если надо, то пройдем через всю Тантару. Меч и доспехи на Астре... мы нашли их в пещере, где она оставила их, спасаясь. Помоги нам её отыскать. Выступай в поход с нами. Она дважды, насколько мне известно, вызволяла тебя из небытия. Теперь твой черёд. И наш заодно...

Мутазаил долго молчал. Каменная грудь мерно вздымалась и опускалась. Каждый вдох был тяжёлым и гулким, и от него дрожал застоявшийся воздух. Зачем каменному исполину дышать? Видимо, кто-то слишком щедро сплёл чары, наделив порождение безумных грёз функциями живого тела.

— Юлия... — наконец отозвался он, и в голосе прозвучала решимость. — Я чую её след. Я пойду к ней. Так и быть. Ступайте за мной. Но если станете путаться под ногами... пеняйте на себя. Не пожалею!

Ардинас выдохнул, будто с плеч действительно свалилась каменная глыба. Астра слабо улыбнулась — впервые за весь этот бесконечный, проклятый день. Принц оглянулся на пылающие стены. За зубцами мелькнули силуэты защитников, но никто так и не решился высунуться и встать в полный рост перед драконом.

Они повернулись спиной к горящему Олуоку и пошли прочь от разбитой орды, прочь от стен, за которыми всё ещё дрожали в страхе защитники. Каменный дракон шёл впереди, и каждый его шаг отдавался гулким эхом, а земля стонала под исполинской тяжестью. Ардинасу с Астрой пришлось бежать, чтобы не отстать. Чуть поодаль, в кустарнике, они нашли привязанных, обезумевших от грохота коней. Кое-как успокоили их, вскочили в сёдла и поскакали вслед за каменной глыбой.

К огромному облегчению тех, кто смотрел со стен, странная троица — принц в измятых, заляпанных кровью латах, девушка в чёрной драконьей броне и исполинский каменный дракон — уходила прочь, так и не приблизившись к воротам города.

Глава 5. Свежеваль

(Юлия)

Четверо в чёрных масках без единого слова и без лишних движений подхватили Юлию, словно мешок с зерном, и на глазах головорезов Сифа Раонрога, потешающихся над жалкой в своём беспомощном положении ведьмой, внесли в тёмное, пропахшее кровью и потом нутро повозки.

Граф Уку Ак Суку стоял в нескольких шагах, наблюдая за погрузкой ценной пленницы. В его глазах, скрытых за прорезями его маски, кажется, мелькнули искорки удовлетворения, и Юлии снова почудилось, будто глаза не человечески... а... Но думать об этом в такой момент не было ни сил, ни желания.

Один из людей в масках, возможно, старший, подошёл вплотную, перерезал верёвки на запястьях и лодыжках коротким ножом. Юлия, почувствовав свободу от пут, мгновенно прыгнула вперёд. Не раздумывая ни секунды, она, словно зверь, узревший слишком широкую щель между прутьями клетки, нашла единственно возможный путь к свободе. Прыжок получился коротким и яростным. Но прежде, чем её пальцы успели коснуться горла графа, две пары рук поймали её прямо в воздухе, будто она весила не больше ребёнка. Удар кулаком тотчас настиг её, опрокинув навзничь, и грудь вспыхнула резкой и яркой болью. Какой точный и профессиональный удар... Мир мигнул перед глазами, покачнулся, и пол повозки встретил её тело тяжёлым ударом.

Пытаясь собраться с силами после такого нокаута, она услышала, как граф коротко, почти по-деловому хмыкнул. А Сиф, стоящий рядом, одобрительно хохотнул.

— Теперь видишь, друг мой ценный, сколь необузданную кобылицу я тебе подарил? Не даром она в одиночку решила исход битвы при Долине Оракулов и Красных драконов. Ты поосторожнее с ней... Она очень горячая. Сунешь палец, откусит всё остальное по самые уши!

— О, Сиф, дорогой. Не переживай за меня. Мои люди закалены магией. Да не простой магией, а столь непривычной в наших краях, что ей не совладать с ними. Мой отец... эм... Я хочу сказать, его наследие даровало мне огромный опыт в работе с такими людьми, как она. Вернее, не людьми. Всё, что я имею, в том числе эти люди, мои стражники — это его дар, а он всегда и во всём исходил из принципа, что любая ведьма — светлая или тёмная, неважно, — всегда зло.

— Как скажешь, Уку, — кивнул Сиф. — Так или иначе, но теперь она — твоя проблема и головная боль.

— Осторожнее, Сиф, — граф повернулся в его сторону, гневно сверкнув через маску глазами, всё ещё чем-то отличающимися от человеческих. Но Юлия пока не понимала, чем. На них падала слишком густая тень. — Я могу подумать, что ты специально мне её подсовываешь, чтобы уничтожить конкурента и бахвалиться потом перед кем-то выше... Ты же его видел?

— Прости, дорогой граф, за моё неумение говорить по-дворянски. — Раонрог слегка склонил голову. — Ты же знаешь, нас, простых солдат, не учат учтивости и светским беседам. Я лишь хотел сказать, что она вся целиком твоя. От этих грязных буйных волос до пят. Что хочешь, то с ней и делай. Я, может, и порезвился бы с этой кобылкой, но своими глазами видел, как она проткнула короля, а до этого... своей силой уничтожила почти всю его свиту. Я такое видел в первый раз. Так что осторожней, дорогой граф. А с тем, о ком говоришь, ещё не встречались. Но сны с ним приходят каждую ночь, и они велят копить силы и готовиться к великому походу. Я же стараюсь готовиться даже без его подсказок, потому что время такое. Без силы не выжить.

— Я рад, что мы это выяснили, Сиф, — согласился Уку и обернулся к приходящей в себя от удара о пол повозки Юлии.

— Ты даже не представляешь, милая моя, насколько крепкие у меня люди, — произнёс граф спокойно, словно объяснял очевидное. Сиф в это время дал знак стражникам, и они разошлись, оставив вокруг повозки только молчаливых и загадочных людей графа в чёрных масках. — А повозка, как я и говорил Сифу, зачарована ещё моим отцом. Тайный придворный колдун, пока Эльмир Третий вешал ведьм, в это время работал на наше графство и вложил во многие предметы, и в частности, в эту повозку, всё, что умел. Ни один маг этого мира не разорвёт эти чары. Даже самый могущественный.

Юлия, лёжа на полу, медленно выдохнула через стиснутые зубы. Внутри, в самой глубине сознания, шевельнулась упрямая мысль:

«С Арбантом, думаю, мы всё же попытаемся освободиться, когда ты и твои люди меньше всего будут ждать этого».

Но вслух она медленно и с презрением процедила сквозь зубы другое:

— Ты же помнишь моего отца? Графа Кардана ди Ванэско? Думаю, что помнишь. И ведь делаешь вид, что даже не были знакомы... Не были соседями. Как такое возможно? Что ты за тварь такая, что позволяешь себе так обращаться с его дочерью? С дочерью человека твоего сословия, твоего соседа, а может быть, некогда и друга?

Уку Ак Суку едва пожал плечами.

— Ну вот такой я плохой человек, — ответил он равнодушно. — Получеловек, если точнее. А это значит, милая моя, лишь одно: соседи, друзья, старые связи — всё это для меня пустой звук. Люди, в моём понимании, всего лишь материал. Средство для познания природы человека. До падения Эльмира Третьего ещё держался какой-то порядок, заключались какие-то союзы между графами и герцогами... После его смерти, уж прости, всё распалось. И теперь каждый, кто оказался в немилости, становится... — он сделал паузу, словно пробуя слово на вкус, — ...интересным экземпляром. Очень интересным. Мир изменился настолько, что люди, не способные себя защитить, теперь не принадлежат себе. Тут уж одно из двух: либо ты, либо тебя...

— Времена меняются, — парировала Юлия, — порой чаще, чем хотелось бы. Помни об этом, граф. И когда я окажусь там, где находишься ты, ты непременно займёшь моё место, и я обязательно напомню тебе твои слова о слабости. А месть моя страшна. Эльмир Третий мог бы рассказать тебе об этом больше, но... ой... он, кажется, уже не с нами.

— А ты забавная, — ухмыльнулся Уку Ак Суку, — и самоуверенная. Слишком, на мой взгляд. Будет интересно наблюдать, как тебя корёжит от тесной клетки, в которой ты теперь проведёшь остатки выданного тебе богами времени.

Он коротко махнул рукой. Дверь захлопнулась с тяжёлым, глухим стуком. Свет снаружи исчез, и только узкая щель под потолком, забранная железной решёткой, пропускала тонкую серую полосу света.

Казалось, что время стало тянуться специально, чтобы мучить Юлию как можно дольше, и больше никогда не вернётся к своему обычному размеренному бегу. И граф, к тому же, намеренно намекнул девушке, что мир изменился из-за неё, из-за того, что она уничтожила короля. Но графиня ди Ванэско совершенно точно знала, что начала это не она. А тот, кто приказал убить всю её семью. И тот, кто вложил эту страшную мысль убийце в голову. И вот один из них мёртв, а второй... его она скоро сделает мёртвым.

Юлия иногда выглядывала сквозь узкую щель под потолком и видела, как мимо неторопливо проплывают мёртвые пейзажи Тантары. Деревни теперь стояли пустыми. Чёрные провалы окон пялились на неё мёртвым почерневшим взглядом, за слишком короткое время обвалившиеся крыши, сорванные ставни, болтающиеся на одной петле, говорили об искусственности наведённого хаоса. Разбойники, забирая в рабство очередную семью, помогали их дому умереть, чтобы стереть следы своих преступлений. И теперь ни единого признака жизни в домах. Поля зарастали бурьяном, пшеница и рожь гнили не убранными, яблоки и груши осыпались

и пропали, овёс почернел. По обочинам частенько брели грязные оборванцы. Кто-то тащил тележку с единственным мешком, в котором был сложен весь оставшийся в наличии скарб. Кто-то нёс ребёнка, завернутого в грязное изорванное тряпье.

Иногда навстречу попадались вооружённые отряды, состоящие из настороженных людей с пустыми глазами и озлобленными лицами. Но они выбрали свою судьбу охотников за живым товаром. Эти люди даже не смотрели на повозку, в которой тряслась Юлия, словно знали, чья она. И хорошо вооружённые люди в масках, охранявшие Уку Ак Суку и пленницу, вполне резонно навевали страх на таких оборванцев, как эти воины, когда-то продавшие свою доблесть за неприкосновенность, обрекая других на неволю.

Потом Юлия долго сидела, прижавшись щекой к холодным доскам, и думала о том, как странно всё обернулось. Её семья погибла от руки Эльмира Третьего. Она за них отомстила и отправила его следом. А теперь она и сама пленница, такая же, как тысячи тех, кого она невольно обрекла на эту же судьбу, когда всадила клинок праведной мести в короля. Теперь она разделила их участь. Только у них хотя бы была надежда на побег или быструю смерть. А у неё теперь вряд ли...

Она вспомнила Саббатона. На миг в груди шевельнулось что-то похожее на жалость, но тут же угасло, сменившись холодным, почти сладостным злорадством. Азраид вышвырнул его, как использованную тряпку. Рана от Гринандэра, которую он мог бы исцелить с помощью своих у ведьм сил, теперь будет пожирать его изнутри. Она предлагала ему помощь, но Саббатон отказался. Что ж. Значит, он выбрал свой путь. Так пусть Мрак примет его заблудшую душу... Пусть успокоит навеки.

Как же всё запуталось... Боги, неужели надо было отдать часть целого мира Владыке Мрака? Для чего? Для какого-то странного Баланса? И в чём же он заключается? В том, что на одной стороне люди, как люди, — нормально живут, развиваются, владеют магией, а на другой... предают, убивают друг друга, вечно грызутся из-за земли. Зачем? Почему? Кто решил за них и отдал Азраиду для его мерзких игр?

Юлия тяжело вздохнула. Жизнь перевернулась так быстро, что она никак не может к этому привыкнуть, хотя раскачивающаяся в такт кочкам повозка уже не кажется чем-то из ряда вон выходящим. Как и то, что она уже не юная наивная особа, какой была до убийства её семьи, и теперь убивает, не моргнув. Как и то, что мир намного больше и в сто крат сложнее и гаже, чем казалось ранее, когда отец оберегал её от лишних новостей. Он думал, так будет правильней, но, как оказалось, в Тантаре не может существовать ничего правильного. Всё обязательно будет искажено и испорчено в угоду одному существу. Азраиду.

И ему теперь некому противостоять. Аспект разделил Мрачноземье своим богоподобным телом, принеся себя в жертву. Балансор исчез, и теперь исчезают его храмы. Во всяком случае, в Тантаре их больше не осталось. И теперь Азраид ещё и материализовался в виде мага на этой земле, и соперников у него нет. Жалкое сборище Совета Семи, свидетелем которому стала Юлия, в расчёт можно не брать. Они разрознены и разобщены. Вскоре они разбредутся по своим королевствам и станут искать и претворять в жизнь собственные жалкие цели в грядущей войне, как, например, Стронз та Мэй или Катрина О-Нелли. И когда Азраид найдёт способ перешагнуть своего брата — Владыку Света — в виде Хребта Аспекса, падение Сэмена станет неизбежно.

Порой в голове возникала предательская, но от этого не менее горькая мысль: «А почему нельзя пророчество сократить всего до двух слов? «Ты умрёшь...» Зачем всё остальное? Почему она должна мучиться и заниматься бессмысленным делом — противостоять самому Азраиду? Как песчинка может разрушить гору?»

Трида встретила их весьма неприветливо.

Над крышами поднимались чёрные столбы дыма. Улицы казались пустыми для столицы графства. Патрули в чёрных масках двигались размеренно и неторопливо, и большинство

жителей старались поскорее исчезнуть за тяжёлыми ставнями или крепкими дверями. Юлия смотрела на стражников и не могла понять: зачем им маски? Это же не разбойники, не тайная стража. Это охрана графа на жалованье. На виду у всех. Тогда зачем прятать лица? Неужели туда не отбирают из простого люда? Или все они палачи и прячут лица, чтобы избежать мести родственников? Но этот вопрос так и остался без ответа. Как и тот, что скрывает за маской сам граф Уку Ак Суку? Не лучше ли правителю открытое лицо? Люди должны знать своего графа, или, наоборот, обязаны бояться кого следует... А без лица как этого добиться от подданных?

Замок Свежеваль стоял на холме, словно огромный почерневший зуб, торчащий выше города. Камень в стенах местами покрылся чёрной плесенью, или мхом, медленно разрастающимся по кладке и пытающимся поглотить под собой унылую серую поверхность. Воздух был сырым и пах гнилью, словно здесь давно не убирали с улиц.

Графиню ди Ванэско вытащили из повозки те же четверо в масках. Они явно превосходили её в силе, хотя телосложением были подобны Юлии. Без явной грубости, но и без малейшей жалости её проволокли через двор, не заботясь о том, что причинят ей вред, и втолкнули в вытянутый зал с высоким потолком. В центре стоял длинный, исцарапанный стол, заваленный колбами, перегонными кубами, сосудами, в которых плавали сморщенные, деформированные комки плоти, глаза, лапы животных и другие непонятные ингредиенты. В дальнем углу чернел бассейн с мутной, маслянистой жидкостью. Графине она сразу не понравилась, поскольку слегка шевелилась, хотя никто к ней не прикасался. Словно большая рыба в ожидании кормления плавала под поверхностью, но какая рыба сможет жить в такой чёрной густой воде?

Юлию без церемоний втолкнули в клетку у стены, защёлкнули тяжёлый и холодный ошейник с короткой цепью, вмурованной в камень, едва позволявшей подойти к прутьям клетки.

Стражники вышли, оставив её одну, и пока они решали, кого оставить на страже, она не медлила. Пальцы нырнули в голенище сапога, нащупали свёрток. Холодный на ощупь Арбант поместился в щель между каменной лавкой и стеной. Девушка едва успела прикрыть его пучком соломы, когда дверь снова открылась.

В комнату вошёл Уку Ак Суку в сопровождении двух служанок. Стражник в маске, которого оставили охранять ценную пленницу, вытянулся рядом с клеткой. По знаку Уку Ак Суку он отворил дверь и вошёл первым, стараясь если не стоять между Юлией и графом, так непременно быть рядом и на шаг ближе своего вельможи. Граф вошёл следом.

— С этого момента, — сказал Уку Ак Суку спокойно, так и не сняв маски, — за тобой будут следить неотрывно. Каждое мгновение. Не пойми меня неправильно, милая, но мы не хотим пропустить нужный день. Ведь времени и так мало. Его катастрофически не хватает, особенно в преддверии большой войны. Особенно после того, как в этот мир вышел Владыка наш Азраид. Да простит меня Его Мрачность, но он у нас «человек» суетный, так что времени действительно мало. Того и гляди, что-нибудь этакое затеет.

Он кивнул служанкам.

Те молча приблизились и начали раздевать девушку. Юлия не сопротивлялась, она понимала, что сейчас это бесполезно. Если будет противиться, за дело примутся стражники, и тогда, возможно, будет не только унижительно, но ещё и больно.

Девушки ловко орудовали короткими ножами, срезая ткань слой за слоем. И Юлия понимала, для чего это графу. Во-первых, чтобы унижить, во-вторых, без одежды пленница вряд ли сбежит. Да и в этом случае надёжная цепь всё равно удержит.

Граф и стражник стояли рядом и открыто, без тени стыда, смотрели, как оголяют девушку. Когда дошло до нижнего белья, Юлия подняла глаза и встретила взглядом с Уку Ак Суку. Удивительно, но в его глазах совсем не было похоти. Но не было и вообще ничего человеческого. Только холодный, отстранённый интерес исследователя. Неземного, потустороннего и нечеловеческого...

Её быстро обмыли тёплой водой из медного таза и оставили нагой обсыхать. И Юлия оглянулась в поисках сменной одежды, но не увидела ничего похожего. Впрочем, в помещении было тепло. У дальней стены горел камин, и струи тёплого воздуха надёжно согревали зал.

После того как прислужницы покинули помещение, граф медленно пошёл вокруг Юлии. Стражник следовал за ним, как тень. Граф же неторопливо и внимательно осматривал девушку, словно хотел обнаружить какой-нибудь дефект.

— Что это? — недовольно спросил он из-за спины. И дотронулся до волос. Сердце Юлии бешено заколотилось в груди. Она совсем забыла, что расплела подаренную Фани бабочку из серебристой нити и подвязала волосы, чтобы не путались. А ведь это был ещё один волшебный предмет. И Фани, оказывается, не такая уж слабая волшебница, ведь её магия скрытно попала в дом Уку Ак Суку...

— Это моей матери, — тихо сказала Юлия, имитируя вселенскую печаль. — Оставь её мне, пожалуйста. Это всё, что от неё осталось после её смерти... Серебряная верёвка-подвязка. Я успела оторвать частичку, когда она свалилась в отхожую яму, мёртвая, холодная, со стеклянным взглядом...

— Избавь меня от столь сочных подробностей, — сухо сказал Уку Ак Суку. — В другое время и в другом месте я бы охотно послушал о таких вещах. А теперь... мне всё равно. Оставьте ей эту нитку, — бросил он пренебрежительно стражнику, и Юлия едва сдержала вздох облегчения. Ещё хоть что-то волшебное, кроме Арбанта, останется с ней.

Граф продолжил осмотр и в конце концов остановился перед ней так близко, что девушке казалось, будто её дыхание оставляет влагу на чёрной маске. Уку Ак Суку достал из чёрного камзола белый платок и, не торопясь, показательно провёл им между её бёдер. От неожиданности Юлия сильно сжала их, но графу оказалось достаточно и лёгкого прикосновения. Он поднёс платок к глазам, внимательно осмотрел, зачем-то понюхал, наводя Юлию на недобрые мысли о старом извращенце, но лицо под маской осталось неподвижным. Только холодные глаза резко уставились на графиню.

— Замечательное тело, милая моя. Идеальное. Какая неделя пошла без выделений? — спросил он тихо и так холодно, что Юлия вздрогнула. С каких это пор мужчинам стали интересны женские дела?

— Едва-едва началась, — ответила Юлия сквозь зубы и ядовито уточнила: — Хотите стать папой?

Он кивнул, словно ожидал этой шутки, и совсем не обиделся на сарказм.

— Тогда ты останешься нагой. Пока не придёт момент, когда я смогу взять из твоего лона частичку ещё не зачатой жизни. Мне нет дела до твоего тела. А вот то, что там созревает каждый месяц, пригодится...

Юлия почувствовала, как внутри всё сжалось в ледяной ком.

— Зачем? — выдохнула она севшим вдруг голосом.

— Я хочу получить твоё будущее дитя. Ещё не осеменённое. Ещё чистое. И сделать из него то, что посчитаю нужным. То, что ты ещё невинна, дитя моё, лишь добавляет древнюю магию в будущий процесс созидания.

Она с рычанием бросилась на него. Голая и безоружная, с накопленной в руках и скрюченных пальцах яростью. К несчастью, стражник оказался быстрее. Одной рукой он схватил её за горло и приподнял над полом. Ноги Юлии забились в воздухе, едва касаясь пола. Какая необычная нечеловеческая мощь сосредоточилась в этой руке...

Граф усмехнулся.

— Сними маску, Айрин. Яви графине мои возможности. Пусть подумает над тем, что я хочу сделать с её отпрысками...

Стражник послушно стянул ткань. Под ней, неожиданно для Юлии, оказалось женское лицо. Грубое, с тяжёлыми скулами, густыми бровями и глубоко посаженными глазами. Муже-

подобное, холодное, но женское лицо. И откуда в её теле столько силы? Даже многие мужчины не способны тягаться с ней.

— Ты не нужна мне для утех, графиня, — презрительно сказал Уку Ак Суку. — Это атавизм варварского мира. Ты нужна мне как семя. Из частички, что выходит из женщин каждый месяц и теряется бесцельно и бессмысленно просто так, мы вырастим копии. Сотни копий. Более сильных, быстрых и выносливых. Мы слепим из них то, что нужно нам. И при этом... они даже будут наделены магией, как и мать. Мы же творцы. А творцы не наказывают детей за различия, а наоборот, поощряют. И ты будешь наблюдать за этим процессом, моя милая, прямо отсюда, из первого, так сказать, ряда.

Он кивнул в сторону бассейна. Жидкость в нём снова шевельнулась, как будто дышала и слышала слова Уку Ак Суку.

— Это наследие моего прадеда. Он тайно был алхимиком. Чёрным магом. В те времена, когда король вдруг решил избавить мир от ведьм, он тайно учился и практиковался в столь ценнейшем умении. Но он не золото гнал из свинца. Он гнал людей... из людей. Ресурс, который всегда необходим как воздух. Для полей. Для войн. Или торговли. Обычные дети из утробы слишком хрупки и впоследствии слишком свободолюбивы. А эти... — он развёл руками и указал на Айрин, словно показывал, — ...идеальны. И слушаются меня с абсолютной точностью.

Юлия молчала. В горле стоял ком. Ярость кипела, но боль в горле заставила её прекратить бессмысленные попытки добраться до шеи графа.

Тот повернулся к выходу, но на пороге остановился и обернулся.

— И не смей колдовать, — сказал он почти ласково. — Айрин и её сменщицы невосприимчивы к магии. Почуют малейшее изменение и прирежут. Мне не хотелось бы тебя убивать. Твоя частичка нужна мне каждый месяц. Но если придётся... — он улыбнулся под маской, — ...я обойдусь каплей крови или кусочком мяса. А потом сдеру с тебя кожу и набью соломой. Неужели ты хочешь стать чучелом?

Он хрипло и злорадно рассмеялся, затем вышел. Дверь закрылась. Щелчок засова хмуро возвестил о том, что она теперь здесь надолго.

Юлия зябко поёжилась под взглядом Айрин и, не имея возможности спрятать наготу, беззащитно обхватила себя руками. Ошейник, который надели, неудобно давил на горло, и ей пришлось присесть на лавку, чтобы снять часть веса железной цепи со своей шеи.

Что же делать? Как выбраться из этого плена? Азраид теперь казался ещё более далёким. А планы мести ему — совершенно неосуществимыми. Но в глубине сознания, в самой тёмной его части, всё ещё горел холодный, неугасимый огонь. А мысли крутились только в одном направлении: как найти отсюда выход.

Ей надо терпеливо ждать. И что бы ни случилось, подмечать любые возможности и лазейки для побега, которые ей дадут стражники и сам Уку Ак Суку. Рано или поздно они допустят ошибку. И Юлии только надо не упустить момента...

Глава 6. Новые возможности

(Саббатон)

Циклоп шагал подобно тронгу из недавнего прошлого, всё ещё напоминающего Саббатону его путешествие с Юлией по подземельям в Сизых горах. Казалось, он, как и они, — нечувствительный к боли и не знающий усталости. Подумать только, а ведь это было совсем недавно. И он тогда столь у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.